

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВА**

№ 3 (3)

**LAW:
RETROSPECTIVE
AND PERSPECTIVE**

Научный журнал

Издается с 2020 года 4 раза в год

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Асеев Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Асмандиярова Наиля Римовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вицке Регина Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева ВППК МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаев Андрей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Исхаков Эдуард Робертович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Киселев Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Кудина Светлана Анатольевна – кандидат юридических наук, помощник начальника института (по правовой работе) – начальник отделения (правовое отделение) Уфимского юридического института МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нугуманов Азат Римович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Сулейманова Инна Евгеньевна – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

Хакимов Салават Хазибович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Хусаинов Рамиль Равилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС 77 – 77364 от 31 декабря 2019 года.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор, техническая верстка Т. И. Матвеева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66;

e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 30.09.2020.

Формат 60х84 1/8. Усл. печ. л. 8,9. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 80. Цена свободная.

Scientific journal

Published since 2020 4 times a year

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board:

Asseev Igor Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Asmandiyarova Naila Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vitske Regina Eduardovna – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaev Andrey Anatolyevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskhakov Eduard Robertovich – Doctor of Medical Sciences, Professor, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kiselev Nikolay Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kudina Svetlana Anatolyevna – Candidate of Law, Assistant Head of the Institute (for legal work) – Head of the Department (the legal department) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Management in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Head of the Chair of Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugumanov Azat Rimovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Chair of Social, Humanitarian and Economic Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Suleimanova Inna Evgenievna – Candidate of Law, Head of the Research Department of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khakimov Salavat Khazibovich – Candidate of Historical Sciences, Associate professor, assistant professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khusainov Ramil Ravilovich – Candidate of Law, Associate Professor, assistant professor of the Chair of Operative-Detective Activity of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Julia Harisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Mass Media Registration Certificate: PI № FS 77 – 77364 is dated December 31, 2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors, layout T. I. Matveeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru (marked: “Law: retrospective and perspective”).

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 30.09.2020. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 8,9. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 80. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады	8
---------------------------------------	---

Теория права

<i>Бредихин А. Л.</i> Правовая культура России в период ранней государственности (IX в. – середина XVI в.)	8
--	---

Уголовно-правовой блок

<i>Баловина И. В.</i> Очная ставка как один из эффективных способов собраний доказательств	14
<i>Бронфман Б. Е.</i> Некоторые проблемные аспекты, возникающие при квалификации действий лица по статье 116 Уголовного кодекса Российской Федерации	20
<i>Газимуллин И. Ю.</i> Актуальные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	24
<i>Диваева И. Р., Николаева Т. В.</i> Проблемные аспекты реализации права на необходимую оборону	30
<i>Мигранов Р. Н., Тумин А. Ю.</i> Некоторые проблемные вопросы квалификации преступных деяний, предусмотренных статьями 306 Уголовного кодекса Российской Федерации. . .	33
<i>Мугинова З. Р.</i> Категория минимизации вреда, причиненного преступлением, в контексте назначения наказания	38
<i>Петрова Е. А.</i> Использование метода логико-когнитивного анализа при проведении лингвистической экспертизы	42
<i>Родыгин Р. А.</i> О некоторых вопросах уголовной ответственности за совершение мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества	53
<i>Самойлов А. Ю.</i> Особенности фиксации хода и результатов производства осмотра места происшествия	59

Трибуна молодого ученого

<i>Аюпова Г. Ш., Ахроркулов С. Х.</i> Незаконное лишение свободы: отдельные вопросы квалификации	64
--	----

Памятка	70
----------------------	----

CONTENTS

Scientific articles and reports 8

Theory of Law

Bredikhin A. L. Legal culture of Russia during early statehood (IX - mid-XVI centuries) 8

Criminal-legal section

Balovina I. V. Confrontation as an effective way to collect evidence 14

Bronfman B. E. Some problem aspects arising in the qualification of personal actions under article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation 20

Gazimullin I. U. Current issues of solving crimes related to illicit traffic of narcotic drugs and psychotropic substances. 24

Divaeva I. R., Nikolaeva T. V. Problematic aspects of realization of the right to the necessary self-defense 30

Migranov R. N., Tumin A. Y. Some problematic issues of the criminal acts qualification under article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation 33

Muginova Z. R. The category of harm minimization caused by a crime in the context of sentencing 38

Petrova E. A. The use of the method of logic-cognitive analysis in conducting linguistic expertise 42

Rodygin R. A. About some issues of criminalliability for committing petty commercial bribery and petty bribery 53

Samoylov A. U. Features of fixation of the progress and results of the accident scene inspection 59

Young scientist's tribune

Ayupova G. Sh., Ahrorkulov S. H. Unlawful imprisonment: certain qualification issues 64

Instruction. 70

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340.132.1(470)''08/155''

А. Л. БРЕДИХИН, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург)

A. L. BREDIKHIN, Senior instructor of the Chair of History of State and Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (St. Petersburg)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (IX В. – СЕРЕДИНА XVI В.)

LEGAL CULTURE OF RUSSIA DURING EARLY STATEHOOD (IX – MID-XVI CENTURIES)

Аннотация. В статье автор рассматривает исторический аспект формирования правовой культуры России в период ранней государственности (IX в. – середина XVI в.). Автор приходит к выводу, что формирование правовой культуры до образования Русского централизованного государства происходило под влиянием обычаев, византийской идеологии, деятельности церкви и княжеского нормотворчества. С изданием Судебника 1497 г. правовая культура развивается уже в условиях господства закона, а также централизации административной и судебной системы России.

Ключевые слова и словосочетания: право, правовая культура, государственность, Русское централизованное государство, Судебник 1497г., правовой обычай.

Annotation. The article considers the historical aspect of the formation of Russian legal culture during early statehood (9th – mid-16th centuries). The author concludes that the formation of legal culture before the establishment of the Russian centralized state took place under the influence of customs, Byzantine ideology, the activities of the church and princely rule-making. With the publication of the Sudebnik (Code of Law) of 1497, legal culture is already developing under the rule of law, as well as the centralization of the administrative and judicial system of Russia.

Keywords and phrases: law, legal culture, statehood, Russian centralized state, Sudebnik (Code of Law) of 1497, legal custom.

Культура как совокупность накопленного обществом фактического и духовного опыта многомерна, и это понятие не имеет однозначного и общепринятого определения, при этом понимание культуры как искусства: живописи, музыки, скульптуры, театра и т. п. – лишь один

из множества аспектов ее проявления. Культуру иногда противопоставляют цивилизации, где основное отличие первой в том, что она характеризует, скорее, духовный опыт, чем технические и научные достижения. В содержании культуры можно выделить множество сфер, кото-

рые являются отдельными уникальными культурными феноменами и результатом происходящих социальных процессов. Одним из таких феноменов является право как продукт общественно-политического взаимодействия внутри социума. Право как система нормативного регулирования возникает совместно с государством, однако как культурный феномен идея права самостоятельна по отношению к государству и существует параллельно с ним, нередко ему противопоставляется, либо существует в гармонии с государственным порядком.

Тот значительный культурный пласт, который формирует право в истории общества, позволяет говорить об особенной культуре права, существующей в рамках общей культуры человечества. Такое понимание права привело к формированию концепции правовой культуры.

Правовая культура также по-разному понимается в философских, правовых, социальных, исторических и прочих научных произведениях. В общем виде правовая культура сформировалась в процессе человеческого взаимодействия, породила правовые нормы, процессы, ценности и прочие присущие ей элементы, ставшие инструментами человеческого бытия и взаимодействия.

В юридической литературе правовую культуру понимают, например, как качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, положительно влияющее на общественное развитие и поддержание самих условий существования государства и общества [1, с. 477].

Правовая культура не является статичным явлением, а развивается и приобретает новое качественное состояние вместе с историческим развитием общества в целом. Для каждой эпохи и местности степень развития и качественное своеобразие правовой культуры будет

специфичным. Вместе с тем следует выделить важнейшие элементы, по которым можно судить об особенностях и степени развития правовой культуры той или иной страны на определенном этапе ее развития:

- источник формирования права (обычай, закон, судебная практика, святое писание и т. д.);

- влияние религиозных, идеологических и интеллектуальных институтов на формирование правовых норм и юридическую практику;

- конкретные правовые документы, по которым можно судить об уровне правового развития общества и государства и юридической техники;

- правовое просвещение и образование.

Для характеристики правовой культуры России в эпоху ранней государственности необходимо разделить этот период на два этапа. Первый этап начинается с момента формирования русской государственности, а второй – с момента формирования русского централизованного государства (условно с даты издания Судебника 1497 г. до середины XVI в.).

На первом этапе источником формирования права преимущественно выступал обычай, т. е. сложившееся в результате многократного применения правило поведения. Эти правила-обычаи носили не столько правовой характер, сколько бытовой. Многие из обычаев формировались как ритуал или процесс в рамках религиозных культов (например, жертвоприношение, ордалии). Совокупность обычаев в древнем периоде развития государственности и составляла большую часть системы нормативного регулирования в обществе. С развитием общественных отношений и появлением письменности обычай находит свое закрепление в письменных документах, свою формальную выраженность и возможность оригинальной ретрансляции для будущих поколений. Правовые доку-

менты стали видом литературы со своим специфическим языком и целевым назначением.

Если говорить о периоде древнерусского государства, то первыми письменными правовыми документами являются договоры Руси с Византией. Так, в 911 г. князем Олегом был заключен договор с Византийскими императорами Львом и Александром, в котором в виде договоренностей устанавливались правовые по своему характеру нормы. Подобные договоры заключались русскими князьями также в 944 и 971 гг., что говорит и об устойчивых связях Руси с Византией.

Среди особенностей рассматриваемых договоров примечательным является включение в их текст термина «закон русский». Однако о существовавших на тот момент каких-либо письменных правовых документах Древней Руси науке до сих пор неизвестно, поэтому многие сходятся во мнении, что речь шла все-таки об обычном праве, существовавшем в устной форме. Договоры 944 и 971 гг. были очень схожими по содержанию с договором 911 г. и также обозначали существование некоего «закона русского». То есть, скорее всего, этот «закон русский» был весьма устойчивым образованием, т. к. не потерял своей актуальности до 971 г.

Правовое просвещение и образование в данный период еще не сложилось. Также нет сведений о каких-либо идейных течениях, которые повлияли на становление правовых институтов этой эпохи.

Новый этап культурного развития Руси, в том числе и в правовой сфере, начался с принятием христианства в конце X века. Вместе с христианством как религией Русь перенимает многое из культуры Византии. Первые священники на Руси были византийского происхождения, поэтому они принесли с собой не только церковные традиции и ритуалы, но и церковную литературу. В частности, правовую природу имели сборники

церковного законодательства, известные как «Номоканон». В дальнейшем Номоканон стал основой для так называемой «Кормчей книги». В содержании самой Кормчей имелись шесть разделов: а) Краткая история Вселенских Соборов; б) изложение апостольских и соборных правил с разъяснениями; в) правила Василия Великого, собранные из его посланий; г) церковные и гражданские узаконения греческих императоров; д) церковные и гражданские узаконения русских князей («Устав князя Владимира, крестившего Русскую землю»; правило о церковных людях, о десятинах и о суждех епископских, о мерилах градских и о прочих вещех»; «Суд Ярославль Володимирич Правда Русская»; «Устав князя новгородского Святослава о десятинах»; сюда же включены некоторые памятники, созданные русским духовенством); е) статьи неюридического содержания [2, с. 332–339]. Нужно сказать, что «Кормчая книга» была составлена из различных норм и использовалась для решения как чисто церковных вопросов, так и гражданских дел.

В. А. Томсинов отмечает, что, пройдя через руки древнерусских переводчиков, византийские юридические тексты перестали быть византийскими по своему смыслу. Их содержание сокращалось, наполнялось чуждыми добавлениями, приобретало смысл, часто противоречащий первоначальному содержанию. Все это делалось, чтобы приспособить элементы правовой культуры Византии к общественным условиям Руси, к правосознанию русского общества. Древнерусские переводчики фактически брали на себя функции правоведов [3, с. 21].

Таким образом, правовая культура Руси этого периода возвращалась в церковной среде. Правовая доктрина, правовое образование, правовое просвещение, а также нормотворчество были неразрывно связаны с деятельностью церкви. Церковь стала религиозным, идеологическим интеллектуальным центром Руси.

Наиболее значимым и первым кодифицированным правовым памятником Древней Руси была так называемая «Русская правда», составленная в XI в. М. Ф. Владимирский-Буданов обозначает ее как «ряд сборников, составленных частными лицами из княжеских уставов, обычного права и частично – византийских источников» [4, с. 116]. Некоторые ученые выражают мнение, что «основой законов, объединенных Русской Правдой, было сочетание обычного родоплеменного права, при котором все люди были равны, и нового, государственного сословного права, основанного на неравенстве в правах между людьми. И если даже уровень культуры и не был достаточно высок, развитие все же наблюдается» [5, с. 59].

Таким образом, Русская Правда не была правовым актом в полном смысле этого слова, а некоторым сборником норм, уже фактически действовавших в обществе. В содержании этого документа не прослеживается влияние прогрессивных идей римского права, каких-либо правовых концепций или законодательной техники изложения. Впрочем, и идея государственности там также не была четко выражена, тем не менее, появление Русской Правды стало свидетельством повышения уровня правовой культуры общества и власти того периода.

Немаловажное влияние на правовую культуру Древней Руси имели внешние связи с западной культурой, следы которой на территории Руси наиболее явно отражаются в законодательстве Новгородской и Псковской республик. Так, Псковская судная грамота (сохранившаяся практически полностью в отличие от Новгородской) содержала в себе правовые институты, ранее не известные в праве Руси. Торговые связи и высокий уровень экономической деятельности обусловил преобладание в ней гражданско-правовых норм над уголовно-правовыми.

Говоря о юриспруденции Древней Руси, следует отметить, что она существовала лишь в качестве законоискусства и воплощалась исключительно в совокупности сугубо практических навыков формулирования и толкования правовых норм, технических приемов и способов обработки правового материала, его упорядочения или систематизации [6, с. 86–91].

Эволюционное развитие правовой образованности и правовой культуры было прервано монголо-татарским нашествием. Период господства Золотой Орды с его глобальными цивилизационными последствиями оказал глубокое воздействие на развитие российской государственности, общественную жизнь, законодательство, а также на формирование мировоззренческих ориентиров [7, с. 112].

С падением монголо-татарского владычества, впитав в себя обычаи Древней Руси и традиции властвования за весь предшествующий период, вместе с Русским централизованным государством сформировалась новая правовая культура. Теперь на смену правовому обычаю и принципу «правды» приходит «закон».

Символом нового правового порядка на Руси служит Судебник 1497 г., принятый Иваном III. В этом документе большее внимание уделяется регламентации судебных процессов и процедур, четко выражен интерес верховной власти: появились правовые нормы, устанавливающие повышенную ответственность за государственные преступления; устанавливались различные пошлины в пользу казны и т. п. Судебник 1497 г. закрепил Юрьев день (неделя до и после него) как официально возможный срок перехода крестьян от одного помещика к другому. Это положило начало закреплению крестьян и имело определяющее социальное, экономическое и политическое значение для всей дальнейшей истории России. Вся административная и судебная система Руси стала централизован-

ной, замкнутой на фигуре Великого князя Московского.

В законодательстве на первый план выступало княжеское законодательство, которое и формировало систему русского права, заменяя собой обычаи. Безусловно, в системе права оставили свой след нормы византийского, литовского, германского права, но уже как прямо санкционированные верховной властью.

Судебник 1497 г. устанавливает развитую систему сборов, пошлин, пеней, обеспечивающих финансовую систему государства. Преступление уже понимается не как «обида» по отношению к частному лицу, а как нарушение предписаний верховной власти, выраженных в законе.

Высшие органы нового государственного порядка становятся высшими судебными инстанциями (Великий князь, Боярская дума, приказы). Судебный процесс происходит в письменной форме, процедуры формализованы и документированы.

Период монголо-татарского ига приносит в правовую культуру Руси восточные традиции государственного управления и суда, а именно жестокое отношение к человеку, централизация власти, статус монарха как верховного законодателя и т. п. Так, уголовный процесс по Судебнику 1497 г. приобретает ярко выраженный розыскной характер, допускаются пытки для получения показаний. В системе наказаний появляется смертная казнь, что не было характерно для правовой культуры Древней Руси.

Вместе с православием Московское государство перенимает властные традиции и символы Византийской империи, позиционирует себя как ее последователь. Так, в качестве герба русского государства стал византийский двуглавый орел, скипетр и держава в качестве атрибутов власти, статус государя всея Руси (царя) и пр.

В продолжение этого в качестве идейного обоснования легитимности го-

сударственной власти в церковной среде формируется и культивируется концепция «Москва – Третий Рим», обосновывающая преемственность власти московского государя от римских императоров (поскольку Византия была преемником Рима).

С этого времени вместе с появлением государственности возникает право в современном его понимании. Правовая культура становится неразрывно связанной с политической культурой государства. Право начинает выступать в качестве проводника воли монарха; режим государственной власти и традиции властвования находят свое отражение в праве и правовой культуре общества в целом.

Ввиду того, что закон стал основным источником права, законодательно-распорядительная деятельность великокняжеской власти, а также неразрывно связанная с ней судебная деятельность существенно расширяются. Правовая культура приобретает ярко выраженную тенденцию к установлению этатистских, государственно властных черт. Господству государства не только в материальных отношениях, но и духовной сфере. Церковь становится в значительной степени подчиненной государству и вынуждена действовать в его интересах. Церковь придавала фигуре монарха сакральность, что обеспечивало легитимность власти идеологически (религиозно).

Таким образом, необходимо делать следующие выводы:

1. Возникновение правовой культуры Древней Руси связано с появлением обычаев. Те обычаи, которые содержали нормативное содержание, постепенно формализуются в письменных документах.

В дальнейшем правовые идеи получают свое развитие в церковной среде в рамках православной правовой традиции с опорой на Византийскую религиозную литературу.

Первым развитым правовым до-

кументом древнерусского права стала Русская Правда, которая в значительной степени содержала уже устоявшиеся правовые обычаи, нормы церковного права и княжеское нормотворчество.

В этот период правовая культура и правовое просвещение культивируются с непосредственным участием церкви, к тому же альтернативных общественных институтов не существовало.

2. Новый этап развития правовой культуры России связан с появлением Русского централизованного государства. В этот период правовая культура сформировалась под влиянием того же обычного права, византийской правовой традиции и судебной практики, а также традиций властвования Золотой Орды. Вместе с тем в правовой культуре обозначился в качестве доминанта закон, то есть общеобязательное предписание, исходящее от верховного суверена. Закон уже в меньшей степени был связан с обычаями, принципами правды и

справедливости, религиозной этикой, а был выражением исключительно воли правителя.

Судебник 1497 г., как наиболее значимый документ этого периода, содержал в себе четкую идею верховенства и суверенности великого князя. Нормы Судебника в большей мере обслуживали интересы государства (установление пеней и сборов, усиленная ответственность за преступления против государства, регламентированный и формализованный судебный процесс, централизованная система управления и суда, установление ограничений для перехода крестьян по правилу Юрьева дня). Правовая культура приобретает ярко выраженные этатистские черты.

В целом, сформировавшаяся в этот период правовая культура предопределила развитие политической и правовой сферы России на последующие века, и ее влияние в некоторой степени наблюдается до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелехин А. В. Теория государства и права : учеб. / А. В. Мелехин. М., 2007. 640 с.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. 728 с.
3. Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №4. С. 3–26.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. 640 с.
5. Марченко М. Н., Белозеров Б. П. Правовая культура российского государства: история становления и развития // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2011. №. 3. С. 56–66.
6. Томсинов В. А. Понятие юриспруденции, ее происхождение и основные функции // Законодательство. 2003. №. 6. С. 86–91.
7. Ипполитов П. Л., Шатилов С. П. Правовая образованность и правовая культура населения Древней Руси в XI–XIV вв. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 1. С. 111 – 114.

© Бредихин А. Л.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БЛОК

УДК 343.132.4:343.144(470)

И. В. БАЛОВИНА, преподаватель
кафедры уголовного процесса Уфимского
юридического института МВД России
(г. Уфа)

I. V. BALOVINA, Instructor of the
Department of Criminal Procedure of Ufa
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia (Ufa)

**ОЧНАЯ СТАВКА КАК ОДИН ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ СПОСОБОВ
СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ****CONFRONTATION AS AN EFFECTIVE WAY TO COLLECT EVIDENCE**

Аннотация. В статье рассматривается понятие, особенности и доказательственное значение очной ставки, которая является одним из наиболее часто проводимых следственных действий в ходе расследования уголовного дела. В результате грамотной организации проведения очной ставки следователь или дознаватель может добиться успехов при изобличении лиц, совершивших преступление. Однако в настоящее время наблюдается формальный подход к проведению данного следственного действия, что не позволяет в полной мере использовать все его возможности для раскрытия преступления и изобличения виновных.

Ключевые слова и словосочетания: очная ставка, следственные действия, сбор доказательств, уголовное дело, допрашиваемые лица, существенные противоречия.

Annotation. The article considers the concept, features and evidentiary value of confrontation, which is one of the most frequently conducted investigative actions in a criminal investigation. As a result of the competent organization of the confrontation, the investigator or interrogator can achieve important success in identifying criminals. However, at present there is a formal approach to carrying out this investigative action, which does not make it possible to make full use of all its possibilities to solve the crime and expose the perpetrators.

Keywords and phrases: confrontation, investigative actions, collection of evidence, criminal case, interrogated persons, significant contradictions.

Очная ставка является одним из наиболее часто используемых следователями и дознавателями следственным действием после таких, как осмотр места происшествия и допрос. Практически в каждом уголовном деле, за редким исключением, встречается протокол очной ставки. А все потому, что именно очная ставка при наличии существенных противоречий в показаниях, данных в ходе отдельных допросов, способна при грамотном ее применении установить истину по уголовному делу. Как бы следова-

тель или дознаватель не желал обратного, практически каждое второе уголовное дело, особенно в последние годы, характеризуется наличием конфликтности интересов сторон обвинения и защиты. Уголовное судопроизводство Российской Федерации направлено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [1]. Таким образом, зачастую именно очная ставка

позволяет следователю или дознавателю, исходя из полученных показаний на данном следственном действии, сделать правильную оценку имеющихся в материалах уголовного дела доказательств и, соответственно, принять законное и справедливое решение по делу.

Важность проведения такого сложного, но и не менее интересного, комплексного следственного действия для раскрытия и расследования преступлений нельзя переоценить, поэтому оно остается в центре внимания ученых-процессуалистов и криминалистов.

Обратимся сначала к истокам зарождения процессуального института очной ставки, посмотрим, какое значение данному следственному действию придавалось на разных этапах исторического развития России.

В Древней Руси имела место такая юридическая формула, как «ставить с очей на очи», что означало «давать показания, глядя друг другу в глаза», и со временем преобразованная в выражение «очная ставка». В древнерусском государстве очная ставка сводилась к таким действиям, как: «сыскивать, и сыскиваясь языки ставити с очей на очи и роспрашивать» [2]. В 1606 г. в Крестоцеловальной записи Василия Шуйского появились такие слова: «Доводов ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити съ очей на очи» [3, с. 25]. Она была непременной частью «роспроса». А. А. Пачков в своей научной работе о судопроизводстве в послепетровский период высказался, что уже тогда люди осознали, что, подтверждая заведомую ложь, смотреть в глаза человеку невинному, а иногда и с более сильным характером и уличать его в преступлении для некоторых людей было настоящей душевной мукой [4, с. 17]. Впоследствии термин «очная ставка» закрепился в Соборном уложении 1649 г., где относительно очной ставки в главе 38 предписывалось: «а на которого человека в роспросе и с пыт-

ки язык говорит в розбое, или в татьбе, и на очной ставке его познает, а учнет на него говорить с очей на очи тоже, а тот будет человек бродящей, а о обыску бити челом не учнет, а скажет, что его нигде не знают, и того человека по язычной молке пытати» [5]. Согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. на предварительном следствии очные ставки проводились между свидетелями в тех случаях, когда от разъяснения противоречий в их показаниях зависело дальнейшее направление следствия [6, с. 19]. По Военно-судебному уставу 1867 г. очные ставки могли проводиться, когда это представлялось необходимым [7, с. 109]. У русских юристов дореволюционной эпохи И. Я. Фойницкого и у Л. Е. Владимирова схожие определения очной ставки как действия, применяемого для устранения противоречий в показаниях свидетелей.

В советский период развитие уголовно-процессуального института очной ставки получило новое направление. А. Я. Вышинский в одном из первых советских учебников по криминалистике дал конкретное понятие данного следственного действия. Он определил очную ставку как «одновременный допрос двух (или более) лиц в присутствии друг друга, применяемый в целях устранения противоречий в показаниях этих лиц, данных при отдельных допросах» [8, с. 21]. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. в статье 163 закрепил: «...в случае надобности следователь устраивает очную ставку между свидетелями», а в статье 290 содержалось положение о том, что «каждый свидетель может быть передопрошен в присутствии других свидетелей или поставлен с ними на очную ставку».

В Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. в самостоятельных статьях 162 и 163 законодатель отделил очную ставку от допроса, при этом, хотя и не дал четкого определения данного следственного действия, однако подчеркнул, что следо-

ватель вправе провести ее между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. Схожую формулировку можно увидеть и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) в статье 192, согласно которой «если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, то следователь вправе провести очную ставку».

История развития очной ставки показывает, что во все времена относились к ней неоднозначно и использовали достаточно осторожно. И это в какой-то степени оправданно, так как очная ставка отличается от других следственных действий повышенным динамизмом и остротой межличностного конфликтного взаимодействия. Можно также согласиться с Ю. П. Боруленковым, рассматривающим очную ставку как действие тактически рискованное, зачастую чреватое нежелательным или непредсказуемым для следователя результатом [9, с. 40]. В связи с этим следователь, имея в наличии собранную информацию, исходя из материалов уголовного дела, должен сделать вывод, проводить ли в данный момент очную ставку или отказаться от нее. А в ряде случаев очная ставка вообще не рекомендовалась для производства. Один из основателей советской криминалистики и деятель судебного ведомства Российской империи В. И. Громов призывал с осторожностью относиться к очной ставке, предостерегал, что очной ставкой злоупотреблять не следует [10, с. 114].

Эффективность результата проведения очной ставки практически полностью зависит от профессиональных качеств следователя, его компетенции и умения грамотно применять данное следственное действие в ходе расследования по уголовному делу. Одним словом, понимать истинное значение очной ставки для результативного предварительного расследования. Для полного понимания значения очной ставки необходимо рас-

крыть теоретические основы уголовного процесса, затрагивающие понятие, цель, характерные особенности очной ставки.

Следственное действие, как считает один из известных специалистов в области уголовно-процессуального права С. А. Шейфер, – это процессуальное действие по собиранию, закреплению и проверке доказательств, и служащее способом исследования обстоятельств дела и установления истины [11, с. 34].

Как известно, собирание доказательств – это процесс по сбору информации, в ходе которого доказательственная информация переносится со следов преступления в материалы уголовного дела. Результативность очной ставки зависит от того, в какой мере сведения, имеющие доказательственную ценность и хранящиеся в памяти допрашиваемых лиц, выявлены следователем или дознавателем и зафиксированы в материалах уголовного дела.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ точно сформулированного понятия очной ставки, но исходя из закрепленных законодателем положений относительно процессуального порядка проведения данного следственного действия, анализа современной юридической литературы, включая комментарии к УПК РФ, учебники, монографии, периодические издания, очную ставку можно определить как самостоятельное следственное действие, представляющее собой одновременный допрос двух лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия.

Цель очной ставки – устранить существенные противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц, выяснить, кто из двух допрашиваемых лиц дает ложные показания (чаще всего, парами – участниками очных ставок выступают потерпевший – подозреваемый (обвиняемый) либо свидетель – подозреваемый (обвиняемый)). В этом случае необходимо отметить, что в следственной практике довольно часто потерпевшие, будучи заинтересованными в исходе дела, ого-

варивают подозреваемое лицо, поэтому следователь должен быть объективен при установлении истины.

По-разному ученые и практики формулируют цель очной ставки. Например, многие практики придерживаются мнения, что очная ставка состоит лишь в устранении противоречий в показаниях. С такой позицией, например, не согласен С. А. Шейфер, который считает, что в этом случае следователь не достигнет истины, а наоборот отдалится от нее, если «правдивый» участник переходит на позицию лгущего. С. А. Шейфер видит цель очной ставки в преодолении противоречий в показаниях путем выяснения их причин, коррекции ошибок и опровержения ложных показаний [11, с. 15]. Б. Б. Булатова и А. М. Баранова определяют цель очной ставки как выяснение и по возможности устранение причин противоречий, равно как и устранение самих противоречий [2, с. 150].

Являются ли выявленные противоречия существенными, следователь или дознаватель решает на основе оценки имеющихся доказательств путем их сопоставления с показаниями лиц, между которыми предполагается проведение очной ставки. Кроме этого, субъект доказывания должен выяснить причину выявленных противоречий, так как это может быть либо добросовестное заблуждение, либо сознательная ложь допрашиваемых. В зависимости от причины противоречий следователь или дознаватель может принять решение о наличии или отсутствии необходимости проведения очной ставки.

Таким образом, основанием для проведения очной ставки являются не просто противоречия, а именно существенные противоречия. Необходимо согласиться с В. В. Кальницким и Е. Г. Лариным, которые считают, что юридически бессмысленно проводить очную ставку лишь ради повторения совпадающих показаний исключительно в целях их дополнительной фиксации

[6, с. 151]. К сожалению, как показывает следственная практика, довольно часто при отсутствии каких-либо существенных противоречий очную ставку следователи и дознаватели проводят именно в качестве «подстраховки», создания дополнительного доказательства в уголовном деле, тратя при этом свое время.

Существенными следует признавать противоречия из числа относящихся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, указанным в ст. 73 УПК РФ, поэтому они существенны и юридически значимы для расследования и имеют влияние на конечные выводы следователя или дознавателя.

Такие ученые-процессуалисты, как Е. Г. Мартынич, М. С. Строгович, П. А. Лупинская, В. М. Лебедев, считают, что можно выделить процессуальную и правовую стороны очной ставки. В частности, Е. Г. Мартынич считает, что процессуальная природа очной ставки, тесно связана с допросом, так как очная ставка осуществляется по правилам допроса и с соблюдением требований ст. 164 УПК РФ [12]. Очная ставка, по своей сути, – такой же допрос тех или иных лиц по одним и тем же обстоятельствам, но уже в присутствии друг друга с фиксацией в одном процессуальном документе. Кроме этого, данное следственное действие производится, чтобы на основании выявленных ранее противоречий получить дополнительную или новую информацию. Одним словом, очная ставка является и следственным действием, и разновидностью допроса.

Правовая природа очной ставки выражается в неразрывной связи с доказательствами и доказыванием, получением любой информации, на основе которой следователь или дознаватель могут выяснить причины существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц и впоследствии принять предусмотренные законом меры для их устранения.

Рассмотрим характерные особенности очной ставки подробнее:

1. Лица, между которыми проводится очная ставка, должны быть допрошены, что является обязательным условием проведения данного следственного действия. Содержание сведений, закрепленных в протоколах допросов, имеет большое значение, так как информация, полученная от каждого допрошенного лица, должна быть, во-первых, разной, а во-вторых, должна свидетельствовать о том, что между их показаниями содержатся существенные противоречия.

2. При проведении очной ставки следователю или дознавателю приходится воспринимать одновременно показания двух лиц и сопоставлять их между собой. Очная ставка в этом случае выступает как следственное действие проверочного характера, производится после того, как уже получены доказательства в виде двух показаний, требующих проверки.

3. На очной ставке следователь сталкивается со взаимным психологическим воздействием «оппонентов» путем дачи показаний непосредственно друг перед другом с эмоциональным всплеском каждого из них. В этом случае следует согласиться с С. А. Князовым, который считает, что «психическое воздействие на очной ставке субъектов друг на друга и есть тот «оселок», с помощью которого может быть проверена достоверность показаний сторон, их правдивость» [13, с. 40].

4. Для очной ставки характерен такой способ получения доказательств, как расспрос. Пользуясь этим приемом, следователь получает устную вербальную информацию, превращая ее в описание.

5. В ходе проведения очной ставки в целях собирания доказательств используется и такой метод, как описание, выступающее необходимым условием получения вербальной информации. По мнению С. А. Шейфера, в процессе очной ставки следователь направляет и уточняет описание, которое осуществляется лицом, обладающим необходимой информацией [11, с. 31].

6. По сложности отображаемых объектов очную ставку относят к группе следственных действий, в основе которых лежит такой познавательный метод как метод сравнения, то есть очная ставка направлена на отображение интегрированных объектов в процессе объединения одновременно восприятия следователем или дознавателем отдельно взятых источников информации. Суть очной ставки в объединении двух показаний, несущих в себе информацию. Благодаря проведению очной ставки следователь или дознаватель может получить новые данные, выходящие за пределы исходных. В ходе данного следственного действия в результате сопоставления двух показаний выясняются причины противоречий, опытным путем проводится проверка предположений, имеющих у следователя.

7. Следователь на очной ставке может применять и метод наблюдения. В данном случае, по мнению С. А. Шейфера, объектом наблюдения в процессе очной ставки будут являться артикуляция речи допрашиваемых, эмоциональные реакции на информацию, исходящую от них, а жесты, мимика, звуковые явления, интонация, способными не только уточнять, но и изменять смысл сообщения [11, с. 31]. Именно живая речь, а не зафиксированные в протоколе следственного действия показания, оказывают особое впечатление на участников очной ставки, что и объясняет изобличающий эффект этого следственного действия, в ходе которого нередко наступает переломный момент в дальнейшем поведении на предварительном расследовании лиц, дающих ложные показания.

По мнению Н. Н. Китаева, очная ставка «обладает большой силой воздействия на лиц, в чьих показаниях содержатся преднамеренные искажения истины» [14, с. 24].

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что органы предварительного расследования в своей профессиональ-

ной деятельности должны стремиться к установлению объективной и достоверной истины, обоснованной безупречными доказательствами.

Очная ставка имеет большое доказательственное значение для объективного расследования уголовного дела. Следователю и дознавателю в связи с этим рекомендуется заранее готовиться к очной ставке, исключив формальный характер ее проведения. С этой целью необходимо дополнительно и с особой тщательностью изучить материалы уголовного дела, выделив для себя ключевые моменты, указывающие на существенные противоречия в показаниях ранее допрошенных лиц, изучить материал, характеризующий личность допрашиваемых, решить вопрос о необходимости применения технических

средств фиксации процесса следственного действия, после чего составить план-схему с четко сформулированными вопросами по существу очной ставки. Чаще всего, следователь или дознаватель на первоначальном этапе расследования уголовного дела получает значимую информацию из показаний потерпевших, свидетелей, подозреваемых в процессе их перекрестного допроса на очной ставке, являющейся, как выше было сказано, разновидностью допроса. Умелое применение организационно-тактических методов в ходе очной ставки позволит внести ясность о причинах существенных противоречий в первоначальных показаниях, правильно оценить вновь полученные сведения для законного, своевременного завершения расследования по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. : [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 декабря 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, (ч. I). Ст. 4921. ISBN 978-5-392-26365-3.
2. Уголовный процес : учебник для вузов / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М. : Юрайт, 2016. 265 с. ISBN 978-5-392-30902-3.
3. Балкарова И. А. Подкрестная (Крестоцеловальная) запись Василия Шуйского (1606) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 24 – 30.
4. Пачков А. А. Судопроизводства по преступлениям против государства в послепетровский период в : 1725–1801 г. : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. // Юридическая электронная библиотека издательства «Спарк» : [сайт]. – URL : [http:// lawlibrary.ru/disser2019260.html](http://lawlibrary.ru/disser2019260.html) (дата обращения: 31.07.2020).
5. Соборное Уложение 1649 г. Глава XXI О розбойных и о татиных делех а в ней 104 статьи. Выверено по изданию : М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. С. 17 // СПС КонсультантПлюс : [сайт]. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.07.2020)
6. Следственные действия : учеб. пособие / В. В. Кальницкий, Е. Г. Ларин. Омск : Омская академия МВД России, 2015. 151 с. ISBN 978-5-392-30802-4.
7. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. С. 254. ISBN 978-6-388-30902-3.
8. Криминалистика. Кн. 1 / под ред. А. Я. Вышинского. Москва : ОГИЗ. 1935. 235 с.
9. Боруленков Ю. П. Понятие «пределы доказывания» должно соответствовать концепции состязательного судопроизводства // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2014. № 1. С. 39 – 41.
10. Громов В. И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия. Москва, 2003. 544 с. ISBN 978-5-392-30902-3.

11. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М. : Юрлитформ, 2004. 183 с. ISBN 978-5-392-30802-4.
12. Мартыничук Е. Г. Очная ставка на досудебном производстве : процессуальные и криминалистические аспекты // Адвокатская практика. 2004. № 6. С. 15 – 21.
13. Князев, С. А. Процессуальная необходимость очной ставки // Уголовный процесс. 2005. № 10. С. 40 – 45.
14. Китаев Н. Н. Очная ставка – эффективное следственное действие в арсенале настоящих профессионалов // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 24 – 26.

© Баловина И. В.

УДК 343.615(470)

Б. Е. БРОНФМАН, старший преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

B. E. BRONFMAN, Senior instructor of the
Chair of Professional Training of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Ufa)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА ПО СТАТЬЕ 116 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOME PROBLEM ASPECTS ARISING IN THE QUALIFICATION OF PERSONAL ACTIONS UNDER ARTICLE 116 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Среди разнообразия общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, квалификация которых вызывает ряд существенных проблем, далеко не последнее место занимают побои (статья 116 Уголовного кодекса Российской Федерации), относящиеся, по мнению законодателя к числу таких преступлений, при совершении которых потерпевшему не причиняется вред здоровью, но они всегда сопряжены с причинением физических и психических страданий. Проблемы возникают как при квалификации данного деяния, с точки зрения уголовного закона, так и при установлении признаков преступления. Связано это с тем, что побои относятся к категории преступлений, имеющих высокую степень латентности, по причине того, что большинство жертв насилия не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о привлечении виновных лиц к установленной законом ответственности, так как не желают распространять факты насилия. Для решения возникающих проблемных вопросов, необходимо с достаточной точностью устанавливать все обстоятельства совершенного деяния.

Ключевые слова и словосочетания: побои, процесс доказывания, виновный, вред здоровью, ответственность, преступление.

Annotation. Among the variety of socially dangerous acts provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, beatings are not the last place (Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation), which, according to the legislation, are classified as such crimes in the commission of which

the victim is not harmed to health of one degree or another, but actions taken are always associated with causing physical and mental suffering. Problems arise both when qualifying this act, from the point of view of the criminal law, and when establishing the signs of a crime. This is due to the fact that beatings belong to the category of crimes with a high degree of latency, due to the fact that most victims of violence do not apply to law enforcement agencies with a statement to bring the perpetrators to the responsibility established by law, since they do not want to spread the facts of violence. To solve the problematic issues that arise, it is necessary to establish with sufficient accuracy all the circumstances of the committed act.

Keywords and phrases: *beatings, evidentiary process, guilty, harm to health, a responsibility, crime.*

Непосредственным объектом побоев является здоровье, а в более широком понимании – физическая (телесная) неприкосновенность личности. Объективная сторона состоит из двух форм: нанесение побоев и совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль. Однако в обоих случаях не должны наступать последствия, указанные в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Учитывая тот факт, что ст. 116 УК РФ влечет уголовную ответственность лица за нанесение побоев либо совершение иных насильственных действий, в результате которых была причинена физическая боль, то следует, что побои в рассматриваемой норме понимаются в узком смысле, как уголовно наказуемые насильственные действия.

Действующий в настоящее время Уголовный кодекс Российской Федерации, закрепляя ответственность за такое преступление, как побои, не дает четкого определения этого понятия, устанавливая лишь тот факт, что действия должны причинить физическую боль. В прошлом, само понятие «побои» содержалось в «Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью» (утв. приказом Минздрава РФ от 10.12.1996 № 407 «О введении в практику правил производства судебно-медицинских экспертиз»), так в п. 50 имелись пояснения, согласно которым «Побои не составляют особого вида повреждений» [2].

Внесенные изменения в нормативные правовые акты, а именно вступившие в законную силу в 2007 году

«Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522) и «Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (утв. Приказом Минздравсоцразвития Российской Федерации от 24.04.2008 №194н), такое понятие, как побои не раскрывается [3].

По своей сущности, побои представляют собой действия, характеризующиеся многочисленным нанесением ударов. В результате побоев также могут возникать телесные повреждения. Однако реалии нашей жизни таковы, что в практике встречаются случаи, когда в результате нанесения побоев не остается каких-либо объективно выявляемых повреждений, что соответственно затрудняет процесс квалификации содеянного.

Ввиду отсутствия конкретики определения побоев в диспозиции ст. 116 УК РФ оно также отсутствует и в практической деятельности. В практике имеются случаи [4, с. 8], когда побои сопровождаются серией ударов, т. е. по факту происходит избивание потерпевшего. Нанесение ударов может осуществляться как руками и ногами, так и с использованием каких-либо предметов.

В уголовно-правовой доктрине отсутствует единое мнение касательно количественного признака побоев. В связи с этим среди ученых складываются различные мнения, начиная с того, что для квалификации деяния по данной статье достаточно одного удара [5], заканчивая тем, что здесь имеет важное значение не-

однократность (то есть наличие двух и более ударов) [6].

Так, в судебной практике встречаются случаи, когда органы дознания квалифицировали действия лица по ст. 116 УК РФ (как побои) не просто за один удар, а удар, нанесенный по руке потерпевшей. Мировой судья по уголовному делу вынес обвинительный приговор, и принятое решение в апелляционной и кассационной инстанциях осталось без изменений. В дальнейшем уголовное дело было изучено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и прекращено по основаниям п. 2 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части отсутствия в деянии состава преступления: «... проверив дело, обсудив доводы К., изложенные им в надзорной жалобе, Судебная коллегия находит ее подлежащей удовлетворению по следующим основаниям. Из материалов уголовного дела усматривается и это отражено в приговоре, что К. нанес один удар по руке потерпевшей К., чем причинил ей физическую боль, и его действия в этой части квалифицированы по ч. 1 ст. 116 УК РФ. Однако согласно закону с объективной стороны побои представляют собой нанесение неоднократных ударов. Нанесение одного удара не может расцениваться как побои. При таких данных, принимая во внимание конкретные обстоятельства дела, Судебная коллегия приходит к выводу об отсутствии в действиях К. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, в связи с чем состоявшееся судебное решение в этой части подлежит отмене, а дело прекращению» [4].

Единичный удар действительно не вполне относится к побоям, так как законодатель сформулировал такие действия во множественном числе, но в случае, когда виновный наносит потерпевшему только один удар, состав преступления, предусмотренный ст. 116 УК РФ, останется в его действиях, изменится лишь

форма объективной стороны преступления, а именно, как указано в статье «иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ», с условием, что данный удар вызвал физическую боль. Если же потерпевший не испытал физической боли, то соответственно в действиях лица вообще отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 116 УК РФ.

Ввиду данного факта виновное лицо привлекается к уголовной ответственности по статье 116 УК РФ вне зависимости от количества нанесенных им ударов, то есть за совершение любых насильственных действий, но при соблюдении условия, что лицу, в отношении которого данные действия применяются, причиняется физическая боль. Кроме того если насильственные действия, совершаемые виновным лицом, носят умышленный характер и повлекли за собой причинение потерпевшему легкого вреда здоровью, то такие действия образуют иной состав преступления, предусмотренный уже статьей 115 УК РФ.

В этой связи можно согласиться с мнением А. И. Коробеева, который считает, что нанесение одного-двух ударов может рассматриваться либо как покушение на совершение анализируемого преступления, либо как способ совершения других преступлений: оскорбление либо хулиганство [7, с. 26].

Другой стороной медали спорного вопроса уголовной ответственности по данной статье является ситуация, когда лицо, подвергаясь избиению, отвечает посягающему тем же, то есть в ответ тоже наносит один или более ударов.

При подобной ситуации получается обоюдное причинение побоев, что затрудняет в дальнейшем процесс квалификации и расследования уголовного дела, так как оба лица обратились с заявлением о привлечении к ответственности. Для решения возникающих в данной ситуации спорных вопросов предлагает-

ся привлекать к уголовной ответственности при обоюдном причинении побоев зачинщика конфликта, соответственно учитывая наличие в его действиях мотивов, указанных в ст. 116 УК РФ. В действиях второго лица будут усматриваться признаки состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.11 КоАП РФ «Побои», или иного преступления, в зависимости от фактического причиненного вреда здоровью, поскольку нанесение побоев, как ответная реакция на нападение, не является основанием для освобождения лица от установленной законом ответственности. В связи с этим при решении вопроса о квалификации действий лица по ст. 116 УК РФ и рассмотрении материалов в суде, необходимо особое внимание уделить процедуре установления обстоятельств произошедшего, а именно с помощью свидетелей выявить инициатора обоюдного причинения побоев, а затем принимать законное и обоснованное решение.

При квалификации действия лица по статье 116 УК РФ по субъективной стороне рассматриваемого состава преступления необходимо обратиться к диспозиции данной статьи, которая не предусматривает необходимости наличия прямого умысла. Решающее значение здесь играют последствия, а именно причинение физической боли.

Мотивы данного преступления также играют существенную роль при квалификации и могут быть разнообразны: политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. При совершении пере-

численных выше действий по другим мотивам их следует квалифицировать по ст. 6.11 КоАП РФ «Побои». Установление мотивов, а именно субъективной стороны преступления, является весьма затруднительной процедурой, так как причины, толкнувшие лицо нанести побои, известны только ему и выяснение их возможно при даче виновным лицом признательных показаний.

Субъектом преступления по ст. 116 УК РФ признается физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Еще одним проблемным фактором при привлечении лица к установленной законом ответственности является то, что преступления, предусмотренные ст. 116 УК РФ, отнесены к уголовным делам частного обвинения, возбуждаются по заявлению потерпевшего, его законного представителя, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Данная норма закона не позволяет должностному лицу возбудить уголовное дело по ст. 116 УК РФ без соответствующего заявления потерпевшего о совершенных в отношении него насильственных действий, а последние не всегда желают «оголять» интимные стороны своей личной жизни.

Таким образом, на сегодняшний день весьма очевидно, что неполнота уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за побои, отсутствие конкретики понятия «побои» ставят процесс квалификации в затруднительное положение и, как следствие, возникают ошибки, формальный и шаблонный подход со стороны сотрудников правоохранительных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 05 июня 1996 г.] введ. федер.

законом Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О введении в практику Правил производства судебно - медицинских экспертиз [Электронный ресурс] : приказ Минздрава РФ от 10.12.1996 N 407 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека [Электронный ресурс] : приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. №194н // СПС «КонсультантПлюс».

4. Преступления против личности по законодательству РФ (по материалам Дальневосточного региона): НИР выполненный ФГКОУ высшего профессионального образования «Дальневосточный юридический институт МВД Российской Федерации». Хабаровск 2014. 89 с.

5. Абельцев С. Н. Побой и истязания : проблемы криминологии : учеб. пособие / С. Н. Абельцев, С. Д. Дерябин, С. А. Солодовников ; под ред. Г. А. Аванесова. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1999. 127 с.

6. Борзенков Г. Н. Понятие и основные признаки убийства / Г. Н. Борзенков // Квалификация преступлений против жизни и здоровья / Г. Н. Борзенков ; Моск. гос. ун-т, Юрид. фак. М., 2006. 144 с.

7. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека [Текст] : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 317 с.

© Бронфман Б. Е.

УДК 343.985.7:343.575(470)

И. Ю. ГАЗИМУЛЛИН, *доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)*

I. U. GAZIMULLIN, *Assistant Professor of the Chair of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

CURRENT ISSUES OF SOLVING CRIMES RELATED TO ILLICIT TRAFIC OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению особенностей организации оперативно-розыскной деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел Российской Федерации при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Также в статье детально проанализированы организационно-тактические формы оперативно-розыскной деятельности, используемые в борьбе с преступностью.

Ключевые слова и словосочетания: наркотические средства, преступление, противодействие, раскрытие, предупреждение, подразделения.

Annotation. *This article is devoted to the study of the peculiarities of the organization of the operational-investigative activity of the Drug Control Units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the investigation and detection of crimes related to the illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. Also, the article analyzes in detail the organizational and tactical forms of operational-investigative activity used in the fight against crime.*

Keywords and phrases: *narcotic drugs, crime, counteraction, disclosure, prevention, subdivisions.*

Наркотизация современного российского общества, изменение возрастных характеристик лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, крайне негативно влияют на здоровье всей нации, снижают способность к труду, достойному развитию, а также вносят элементы деструктивизма в нормальное функционирование всех институтов власти.

Лица, употребляющие наркотические средства в процессе поиска очередной дозы или денежных средств для их приобретения, совершают различные противоправные деяния как имущественного характера, так и насильственного, вплоть до убийств.

Анализ динамики преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ свидетельствует о постоянном и стабильном темпе их роста и высоком проценте латентности данного вида преступлений. Так, в соответствии со статистическими данными на территории Республики Башкортостан в 2019 году зарегистрировано 5455 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (–142 АППГ), из них 3548 (+19 АППГ) преступлений, связанных со сбытом, кроме того за восемь месяцев 2020 г. зарегистрировано 3733 преступления (–92 АППГ), связанных со сбытом 2266 (–174 АППГ) [1].

Вопросы организации оперативно-розыскной деятельности территориальных подразделений по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ органов внутренних дел напрямую связаны с методами и формами реализации задачи по дикри-

мализации обслуживаемой территории в части борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В зависимости от квалификации преступных действий (хранение, приобретение, изготовление, сбыт наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, содержание и организация притона для потребления наркотических средств и т. п.) принципиально будут различаться комплексы планируемых и проводимых оперативных мероприятий. Однако стоит обратить внимание, что самостоятельное проведение таких мероприятий, как «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент», невозможно без «наблюдения» с использованием технических возможностей по визуальной и аудиальной фиксации действий преступников.

Подразделения (отделения, группы) по контролю за оборотом наркотиков органов внутренних дел достигают решения поставленных задач не только посредством использования всестороннего административного и оперативно-розыскного потенциала, но и планомерным обслуживанием закрепленной зоны оперативно-розыскного реагирования.

В основу эффективной организации обслуживания территории, в первую очередь, можно выделить сбор оперативно-значимой информации, которая позволяет:

- осуществлять организационное и оперативно-розыскное планирование своей деятельности;
- организовывать работу по выявлению, документированию и пресечению каналов незаконного оборота нар-

котических средств и психотропных веществ;

- своевременно выявлять, вести учет лиц, в том числе профилактический, представляющих оперативный интерес;

- выявлять и воздействовать на причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков;

- изучать, анализировать и вносить предложения по внедрению в повседневную оперативно-служебную деятельность положительного опыта в этой направленности, в том числе опыта зарубежных правоохранительных органов [2, с. 60].

Отметим, что к объектам повышенного оперативного контроля, следует отнести:

- места проведения досуга (ночные клубы, кальянные, кафе, парки, отдельные места концентрации неформальных групп молодежи и т. п.);

- места концентрации уголовного элемента, в том числе притоны для распития спиртного и употребления наркотиков;

- фармацевтические компании производящие сильнодействующие лекарственные средства, в том числе включающие в состав прекурсоры наркотических средств;

- аптеки, осуществляющие розничную продажу лекарственных средств, в том числе ограниченно реализуемых;

- учреждения здравоохранения, где осуществляется хранение и использование наркотических и иных сильнодействующих лекарственных препаратов (таких, например, как гидрохлорид и сульфат морфина);

- ветеринарные пункты и клиники;

- образовательные организации различных уровней;

- спортивные и фитнес-центры (в части сбыта анаболических стероидов, биогенных стимуляторов метаболических процессов и т. д.);

- учреждения связи, которые активно

на сегодняшний день используются для отправки и получения наркотических средств и психотропных веществ, а также иных запрещенных в обороте веществ и предметов;

- транспортные компании, которые также активно используются для организации трафика наркотических средств.

Традиционно оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел осуществляется в нескольких основных организационных и тактических формах и методах.

К первой и основополагающей форме необходимо отнести поиск первичной оперативно-значимой информации, содержащей в себе признаки преступления, в структуру которой входит:

- обнаружение первичной информации оперативного характера;

- планирование и организация проверки (процесс документирования) по полученным данным;

- принятие решения в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации.

Анализ деятельности оперативных подразделений дает основание полагать, что достижение максимального эффекта противодействия нарко-преступлениям напрямую зависит от правильного направления поисковых мероприятий по обнаружению первичной информации о лицах, фактах и событиях, представляющих оперативный интерес [3, с. 47].

Информация о складывающейся оперативной обстановке, получаемой в ходе поиска и исследования первичных оперативно-розыскных данных в указанной сфере, позволяет получить необходимые данные:

- о наиболее распространенных местах совершения преступлений (местах оптовых и розничных «закладок»);

- о способах совершения преступлений (контактный, безконтактный);

- о информационно-телекоммуника-

ционных системах (сайты, приложения), используемых для сбыта наркотических средств и психотропных веществ;

- о способах маскировки совершаемых преступлений;

- о местах концентрации уголовного элемента.

В настоящее время имеется достаточное количество направлений поиска источников оперативно-значимой информации. Один из эффективных вариантов – организация взаимодействия с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни, доставляемыми в территориальные органы внутренних дел за совершение правонарушений и преступлений, в том числе в ходе проводимых оперативно-профилактических мероприятий, а также лицами, привлекаемыми к административной ответственности, за совершение правонарушений предусмотренных статьей 6.8 «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» и статьей 6.9 «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»)» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Возможна также организация содействия с лицами, допустившими немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ, поставленными на медицинский учет в наркологическом диспансере [4, с. 32].

К следующей организационной форме оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел необходимо отнести оперативно-розыскное предупреждение, которое складывается из общей и частной профилактики. Рассматривая содержание данной формы оператив-

но-розыскной деятельности необходимо выделить несколько самостоятельных элементов:

- обнаружение информации о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений;

- оперативно-розыскной анализ сообщений и фактов, связанных с причинами и условиями преступлений;

- выявление лиц, склонных, замышляющих или подготавливающих преступления.

Предупреждение преступлений – крайне сложный и многогранный процесс, его содержание принципиально отличается от других видов правоохранительной деятельности [5, с. 386].

Изучение специальной литературы по теории оперативно-розыскной деятельности позволяет выделить ряд составных элементов оперативно-розыскной профилактики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ:

- деятельность оперативных подразделений по выявлению, устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также установлению лиц, склонных к совершению преступлений;

- деятельность по установлению лиц, замышляющих конкретное преступление, в рассматриваемой сфере и принятию необходимых мер, исключающих их намерение;

- деятельность по выявлению лиц, готовящих совершение этих преступлений, покушающихся на их совершение, а также принятие мер по прекращению преступных действий.

В рамках решения задачи оперативно-розыскной деятельности по предупреждению как преступности в целом, так и преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков органами внутренних дел ежегодно проводятся многоцелевые, комплексные и межведомственные оперативно-профилактические операции. В свою очередь, стоит отметить, что

за последнее время все проводимые операции стали терять свою значимость, так как проводятся по одному и тому же сценарию (шаблону) на протяжении нескольких десятилетий, без должного анализа изменений тенденций преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

На сегодняшний день усматривается рост количества выявленных (зарегистрированных) преступлений данной категории со смещением в сторону их незаконного сбыта. На рынке сбыта кроме наркотических средств природного происхождения все чаще появляются новые синтетические (дизайнерские) наркотики (амфетамин, метамфетамин, экстази), меняется и возрастной порог лиц, употребляющих наркотики, места и условия сбыта. Так, на территории Республики Башкортостан из незаконного оборота в 2019 году изъято – 159767 грамм наркотических средств, из них: героин – 15 грамм, марихуана – 97531 грамм, гашиш – 5228 грамм, маковая соломка – 13419 грамм, дезоморфин – 10 грамм, спайс – 32 грамм, N-метилэфедрон – 33979 грамм, опийный мак – 2803 грамм, конопля – 17228 грамм, за 8 месяцев 2020 года изъято – 158827 грамм наркотических средств, из них героин – 3 грамма, марихуана – 33509 грамм, гашиш – 5451 грамм, маковая соломка – 3916 грамм, спайс – 131 грамм, N-метилэфедрон – 29397, опийный мак – 465 грамм, конопля – 7963 грамм [1].

Ненадлежащий, формальный подход к планированию и проведению оперативно-профилактических операций (совместных мероприятий), как правило, приводит к достижению минимальных результатов, необходимых для статистики деятельности правоохранительных органов.

В свою очередь, перед оперативными сотрудниками стоит задача в выявлении, документировании и раскрытии неочевидных (фактовых) преступлений, как

правило, связанных со сбытом наркотических средств.

Структура действий по выявлению преступления включает в себя следующие последовательные элементы:

- установление события преступления (время, место, способ, обстоятельства, способствующие совершению);
- установление лиц, совершивших преступление;
- документирование и последующее уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Также к приоритетным направлениям работы подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков необходимо отнести следующее:

- обнаружение и ликвидацию каналов поставок наркотических средств и психотропных веществ, в том числе путем межрегионального и межгосударственного взаимодействия в сфере правоохранительной деятельности;
- обнаружение и изъятие из незаконного оборота крупных и особо крупных партий наркотических средств и психотропных веществ;
- обнаружение и пресечение деятельности «лабораторий» по изготовлению синтетических наркотиков;
- обнаружение и противодействие распространению новых опасных психоактивных веществ.

Завершающей организационной формой оперативно-розыскной деятельности является оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам рассматриваемой категории, которое заключается в последовательном и едином замысле привлечения преступников к уголовной ответственности.

Несмотря на имеющиеся в деятельности оперативных подразделений трудности, можно смело утверждать, что на сегодняшний день органы внутренних

дел вооружены достаточным административным, оперативно-розыскным, информационным и уголовно-процессуальным арсеналом, необходимым для

эффективной борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные информационного центра МВД по Республики Башкортостан. URL: <https://02.mvd.rf>. (дата обращения: 05.07.2020).
2. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г., Бордиловский Э. И., Харченко С. В. Общие положения организации горрайорганами внутренних дел содействия граждан этим органам, выявления первичных оперативно-розыскных данных, оперативно-розыскного предупреждения, раскрытия преступлений и розыскной работы. М. : 2008. 77 с.
3. Ипакян А. П. Организация и методика слежения за оперативной обстановкой на территории города и района, ее изучение и оценка. М. : 1986. 56 с.
4. Щукин А. М. Выявление и документирование действий лиц, организующих либо содержащих притоны, и лиц, склоняющих к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. Тюмень : 2012. 84 с.
5. Аتماжитов В. М., Бобров В. Г. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. М. : 1991. 420 с.

© Газимуллин И. Ю.

УДК 343.228(470)

И. Р. ДИВАЕВА, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

I. R. DIVAEVA, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

Т. В. НИКОЛАЕВА, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

T. V. NIKOLAEVA, Deputy Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor (Ufa)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

PROBLEMATIC ASPECTS OF REALIZATION OF THE RIGHT TO THE NECESSARY SELF-DEFENSE

Аннотация. В статье представлен анализ института необходимой обороны, акцентировано внимание на проблемах его реализации, обусловленных правовой регламентацией исследуемой нормы. Рассматриваются условия правомерности необходимой обороны, дано обоснование их конкретизации не только в актах судебного толкования, но и в тексте уголовного закона.

Ключевые слова и словосочетания: необходимая оборона, посягательство, сопряженное с насилием опасным для жизни, основания применения, характер и опасность посягательства, превышение пределов необходимой обороны.

Annotation. The article presents the analysis of the Institute of the necessary defense, attention is focused on the problems of its implementation due to the legal regulation of the norm under study. The conditions of legality of the necessary defense are considered, and the justification for their specification is given not only in the acts of judicial interpretation, but also in the text of the criminal law.

Keywords and phrases: necessary defense, encroachment involving life-threatening violence, grounds for use, nature and danger of encroachment, exceeding the limits of necessary defense.

Право на необходимую оборону, то
есть право на защиту своих интересов,

интересов других лиц, общества или
государства от общественно-опасного

посягательства делегирует уголовный закон любому лицу, находящемуся на территории Российской Федерации. Данное право является своего рода гарантией реализации конституционного положения о неприкосновенности личности, его жилища, собственности. Несмотря на то, что уголовный закон делегирует человеку право выбора вступать в правоотношения по защите охраняемого объекта либо уклониться от нее, не каждый решается на реализацию данного права. Если для всех – это право, то для сотрудников правоохранительных органов – это обязанность, невыполнение которой влечет ответственность за халатность. Так почему возникают проблемы реализации права на необходимую оборону?

В теории уголовного права обращают внимание на то, что «посягающий субъект имеет законодательное преимущество. Права и законные интересы обороняющегося отходят на второй план. Данное теоретическое утверждение подтверждается судебной практикой. Мы проанализировали уголовные дела, которые связаны с необходимой обороной и условиями ее правомерности, и выяснили, что 94 % судебных актов носят обвинительный характер. Лишь 6 % актов суда вынесены в пользу обороняющегося лица. При этом только одно уголовное дело было отменено судом кассационной инстанции и направлено на новое судебное рассмотрение» [1].

Во многом, по нашему мнению, это объясняется неконкретизированным характером оснований реализации необходимой обороны, закрепленных в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Законодатель только констатирует, что защита возможна при наличии посягательства с насилием, опасным для жизни, и при отсутствии такого посягательства защита тоже возможна, если она соответствует характеру и опасности посягательства. Однако в уголовном законе отсутствует конкретизация указанных

оснований, не прописан алгоритм действий обороняющегося.

Защищая жизнь человека, допускается любое насилие, и данное деяние не является преступлением (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Сложнее осуществлять защиту при наличии посягательства на здоровье, свободу, собственность, неприкосновенность жилища, интересы общества (общественный порядок, общественную безопасность), интересы государства (посягательство на государственную тайну) и пр., если посягательство совершено без насилия, опасного для жизни или вообще без насилия. Правомерность действий в данном случае определяется отсутствием факта превышения пределов необходимой обороны. Законодатель в ч. 2 ст. 37 УК РФ указывает, что превышение пределов необходимой обороны – это умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Соответственно, «характер и опасность посягательства» – очередные оценочные категории, которые определяются фактическими обстоятельствами происходящего посягательства. В первую очередь, определяется, насколько ценность объекта, которому причиняется вред, выше или ниже ценности объекта, защита которого осуществляется. Но как определить пределы своей защиты человеку, не имеющему юридического образования, находящегося в стрессовой ситуации, обусловленной фактом совершения преступления, как ему понять, соответствуют его действия требованию законодателя или нет? Следовательно, защищать жизнь, с правовой точки зрения, проще, чем защищать иные, также ценные объекты уголовно-правовой охраны.

Помимо наличия неконкретизированных оснований для осуществления защиты, определяемых видом преступного посягательства (с насилием опасным для жизни, без насилия опасного для жизни), законодатель в ст. 37 УК РФ указывает на момент возникновения пра-

ва на необходимую оборону – с момента совершения посягательства или возникновения непосредственной угрозы совершения посягательства, не указывая на момент прекращения права на необходимую оборону.

До настоящего времени конкретизированные основания реализации права на необходимую оборону разработаны в теории уголовного права, разъяснены в актах судебного толкования (действующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»), но, к сожалению, не отражены в законе. Такие важные основания реализации необходимой обороны, относящиеся к посягательству, как наличие, действительность посягательства, его общественная опасность, а также относящиеся к защите – своевременность и соразмерность, доступны сегодня только специалистам в уголовном праве, лежат в основе определения правомерности осуществляемой защиты, но не носят нормативный характер.

Таким образом, в законе фактически определена общественная опасность по-

сягательства, дифференцируемая категорией «насилие опасное для жизни» и частично временным промежутком реализации данного права, т. е. моментом начала права на защиту.

Для устранения правового вакуума, для четкого понимания временных границ действий обороняющегося, степени интенсивности защиты и правовых последствий в ст. 37 УК РФ необходимо указать основания реализации права на необходимую оборону, относящиеся к посягательству и относящиеся к защите. В частности, ч. 2 ст. 37 УК РФ следует изложить в редакции с конкретизированными основаниями ее реализации: «Защита от иного преступного посягательства или возникшей угрозы совершения иного преступного посягательства возможна с момента начала посягательства или возникновения угрозы совершения такого посягательства до момента его прекращения. Защита от такого посягательства является правомерной, если соблюдены временные границы ее реализации и не было допущено превышения ее пределов, т. е. совершения умышленных действий, явно не соответствующих опасности посягательства, причиняющих вред более ценному объекту уголовно-правовой охраны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева Н. А. Проблемы применения законодательства о необходимой обороне // СПС «КонсультантПлюс».

© Диваева И. Р.
© Николаева Т. В.

УДК 343.362(470)

Р. Н. МИГРАНОВ, преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

R. N. MIGRANOV, Instructor of the Chair
of Professional Training of Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Ufa)

А. Ю. ТУМИН, Адъюнкт Московского
университета МВД России имени
В. Я. Кикотя (г. Москва)

A. Y. TUMIN, Adjunct of Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikotya (Moscow)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 306 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOME PROBLEMATIC ISSUES OF THE CRIMINAL ACTS QUALIFICATION UNDER ARTICLE 306 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие в ходе расследования уголовных дел по фактам заведомо ложного доноса. Это вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации, определения субъективной и объективной сторон преступления, правильного определения объекта преступного посягательства. Рассматриваются отличия между преступлениями, предусмотренными статьями 128.1, 207, 306 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предлагаются условия для облегчения вопроса квалификации преступления, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: квалификация, достаточность доказательств, правильность квалификации, прямой умысел, заведомо ложный донос, обращение, привлечение в качестве обвиняемого, следствие, информация, не соответствующая действительности.

Annotation. The article deals with some problematic issues that arise during the investigation of the criminal cases on the facts of the deliberate false denunciation. These are the questions of crime qualification under article 306 of the criminal code of the Russian Federation, determination of the subjective and objective sides of the crime, correct determination of the object of the criminal encroachment. The differences between the crimes under articles 128.1, 207, and 306 of the criminal code of the Russian Federation are considered. Conditions are proposed to facilitate the issue of qualifying a crime under article 306 of the criminal code of the Russian Federation.

Keywords and phrases: qualification, sufficiency of evidence, correctness of qualifications, direct intent, knowingly false denunciation, appeal, involvement as an accused, investigator, information that does not correspond to reality, examination.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что для привлечения к уголовной ответственности любого человека необходимо доказать его виновность в совершении конкретного преступного деяния. По результатам расследования необходимо виновное лицо привлечь к уголовной ответственности, определив квалификацию его преступных действий. Для определения правильной квалификации и привлечения виновного лица к надлежащей ответственности, необходимо, согласно статье 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) убедиться в «достаточности доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления» [1, с. 150]. Следовательно, убедившись в достаточности собранных доказательств и установив все обстоятельства совершения преступления, выносит постановление о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого за содеянные им преступные действия. Учитывая, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого – это решение следователя, принимаемое на стадии расследования, когда уже должна быть установлена виновность конкретного лица, а также то, что после предъявления обвинения последует ограничение прав человека, квалификация должна быть «чистой», однозначной, а доказательства – объективными. Ведь неправильная, необоснованная квалификация преступных действий может привести к нарушению принципа законности и обоснованности действий следователя, отчего, в свою очередь, может последовать ошибочное осуждение невиновного или неосновательное освобождение виновного лица от уголовной ответственности, занижение обвинения и, соответственно, наказания.

При проведении исследования по данной теме преследовалась основная цель рассмотреть некоторые проблемные вопросы, возникающие в определе-

нии квалификации преступлений, предусмотренных статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), так как при расследовании преступлений и определении квалификации возникает множество вопросов и сомнительных моментов. При рассмотрении данного направления уголовно-правового законодательства возможные способы облегчения определения квалификации преступлений, предусмотренных данной статьей.

Преступное деяние – это заведомо ложный донос, относящийся к главе 31 УК РФ, в которой предусмотрены преступления против правосудия. Основным объектом преступлений в данной главе и, соответственно, статьи 306 УК РФ, являются интересы правосудия, так как эти преступления нарушают нормальную деятельность исполнительной и судебной власти, ресурсы которых от профилактики, пресечения и борьбы с преступлениями перенаправляются на проведение проверки и сбор доказательств отсутствия преступных деяний по ложному сообщению, а именно на:

а) установление соответствия действительности обстоятельств, указанных в заявлении;

б) установление лица, причастного к совершению преступления, указанного в заведомо ложном доносе;

в) принятие мер, направленных на ограничение прав и свобод лица, указанного в заведомо ложном доносе как на лицо, причастное к совершению преступления;

г) установление всех очевидцев для опровержения обстоятельств, указанных в заведомо ложном доносе.

Дополнительным объектом данного преступления являются права и законные интересы граждан, так как диспозиции частей 2 и 3 статьи 306 УК РФ предусматривают квалифицирующие признаки преступления: «соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступле-

ния» и «соединенные с искусственным созданием доказательств обвинения» [2, с. 278–279], что повлечет необоснованное привлечение к уголовной ответственности невиновного лица.

По результатам работы за 2019 год согласно данным МВД по Республике Башкортостан всего возбуждено общее количество 74 650 уголовных дел, из них по преступлениям, предусмотренным статьей 306 УК РФ, возбужденно ничтожно малое количество – всего 52 уголовных дела, из которых в суд направлены 39 дел.

Малое количество возбужденных уголовных дел связано с тем, что у следователя, прокурора возникают трудности в определении квалификации, установлении всех элементов признака состава данного преступления, а именно в решении вопроса: образуют ли те или иные действия виновного лица состав преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ? Сказывается на этом и отсутствие однозначной позиции со стороны Верховного Суда Российской Федерации, выраженное в комментариях либо в Постановлении Пленума, обобщающего судебную практику по рассмотрению дел о заведомо ложных доносах и приговорах по ним.

Для снижения ошибок, допускаемых при квалификации преступных действий как заведомо ложный донос (статья 306 УК РФ), необходимо научиться отличать состав данного преступления от идентичных составов таких преступлений, как клевета (статья 128.1 УК РФ) и заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207 УК РФ). Для этого необходимо разобрать элементы состава преступления.

Состав преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ, также состоит из: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны, четкое знание которых обязательно для правильной квалификации действий виновного лица, что исключит ошибки в деятельности

следственных органов. Определив объект преступного посягательства заведомо ложного доноса, следователь может отличить ложный донос от клеветы и заведомо ложного сообщения об акте терроризма, что также поможет правильной квалификации. Для исключения ошибок в определении объекта необходимо отличать направленность преступных действий.

Заведомо ложный донос всегда связан исключительно с активными действиями – сообщением о преступлении в правоохранительные органы или ведомства и учреждения, которые обязаны передавать сообщения в правоохранительные органы. По заявлению соответствующие правоохранительные органы проводят проверку, отвлекаясь от своей работы, а при указании в сообщении конкретного лица, как на лицо совершившее преступление, пострадает и указанный гражданин, права и свобода которого будут ограничены при проведении проверки и расследовании уголовного дела.

Основным объектом заведомо ложного доноса являются интересы правосудия, так как эти преступления нарушают нормальную деятельность суда, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания, а дополнительным объектом являются права и законные интересы граждан, так как совершение данного преступления, образовав квалифицирующие признаки, повлечет необоснованное привлечение к уголовной ответственности невиновного лица.

Клевета же подразумевает распространение любых сведений в любой форме, порочащих честь и достоинство конкретного гражданина, что является основным объектом. Для образования состава преступления по клевете, в отличие от статьи 306 УК РФ, не требуется обязательного официального обращения в правоохранительные или иные органы и учреждения, а достаточно распространения различной несоответствующей действительности информации среди

знакомых, друзей, родственников лица, через сообщения в интернете и других средствах массовой информации, а также в иных общедоступных местах массового нахождения людей.

Ответственность за ложное сообщение об акте терроризма предусмотрена специальной нормой – статьей 207 УК РФ. Следует иметь в виду, что объектом данного преступления является общественная безопасность, стабильность общества. Отличительным моментом состава преступления, предусмотренного статьей 207 УК РФ, от статьи 306 УК РФ, является то, что ответственность по статье 207 УК РФ возможна за заведомо ложное сообщение только о готовящемся акте терроризма, а в случае заявления заведомо ложного доноса – о уже якобы совершенном (произошедшем) акте терроризма, действия заявителя следует квалифицировать по статье 306 УК РФ.

Следующий элемент состава преступления – это объективная сторона, которая в преступлении, предусмотренном статьей 306 УК РФ, выражается только в активных действиях, так как предусматривает обращение виновного лица в правоохранительные органы или в иные органы и учреждения, обязанные передать поступившую информацию в правоохранительные органы с не соответствующей действительности информацией о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. Содержание заявления может состоять из информации, относящейся как к событию преступления, так и может содержать информацию с обвинением невиновного лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, которое он фактически не совершал.

Объективная сторона заведомо ложного доноса будет оконченной с момента поступления сообщения (заявления) в соответствующие органы или их должностным лицам. Наступившие в последующем последствия в виде отказа в возбуждении уголовного дела, возбуждения

уголовного дела, прекращения уголовного дела, его расследование и судебное рассмотрение, осуждение невиновного не имеют значения для квалификации, и могут учитываться судом только при определении вида наказания.

При определении субъекта, совершившего преступление, предусмотренное статьей 306 УК РФ, трудностей не возникает. Но необходимо учесть, что к уголовной ответственности по статье 306 УК РФ могут быть привлечены и подозреваемые, и обвиняемые, если в ходе расследования они сообщили ложную информацию (сделали заведомо ложный донос), не связанную с предметом доказывания по делу в отношении них самих. Кроме того, необходимо понимать, что некоторые лица, сообщая заведомо ложные, вымышленные сведения, из-за своего психически болезненного состояния не могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 306 УК РФ, так как они, сообщая ложные сведения, из-за болезни бывают уверенными в правоте своей информации и не отличают ложь от правды.

Следующий элемент состава преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ, при определении которого возникают серьезные трудности – это субъективная сторона. Для разбора субъективной стороны данного преступления необходимо выяснить, что такое заведомо ложный донос.

Данное словосочетание состоит из трех ключевых взаимосвязанных слов. Первое слово заведомо образовано от корня «ведать». Согласно толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой ведать – это то же, что и знать, а знать имеет смысл «обладать какими-нибудь познаниями» [3, с. 232]. Значит в понимании диспозиции статьи 306 УК РФ заявляющее лицо сообщает информацию об обстоятельствах преступления, явно зная о несоответствии действительности (ложности) сообщаемых им данных, и об

этом ему достоверно известно.

Второе слово «ложный» в юриспруденции больше используется в виде понятия лжесвидетельства, обмана. По мнению В. В. Романова, «в правовом контексте обман – это умышленная передача субъектом сознательно искаженной им (полностью или частично) информации из корыстных или каких-либо иных личных побуждений (мотивов) в ущерб интересам других лиц» [4, с.180].

Третье слово «донос» – это передача заведомо ложной информации о факте совершения преступления в любой форме (устно или письменно), сделанное от своего имени, обезличено или от имени третьих лиц. Сообщение при доносе является ложным, т. е. не соответствует действительности, частично или полностью вымышленное. Ложность должна охватывать только обстоятельства совершения сообщаемого преступления, а не его юридическую оценку, так как заявитель из-за юридической неграмотности может ошибочно дать неверную юридическую квалификацию, верно описав сами события происшествия. В таком случае состава преступления «заведомо ложный донос» не будет, так как сообщение правоохранительным органам своих предположений, мнений или догадок не образует состава данного преступления. Добросовестное заблуждение самого лица, сделавшего ложный донос, в оценке сообщенных сведений исключает возможность квалификации последних как заведомо ложного доноса. Заведомо ложный донос будет иметь место как в том случае, когда сообщается о полностью вымышленном преступном деянии, так и когда в реально существующем преступлении обвиняется заведомо не причастное к его совершению лицо. Заявитель

понимает, что своими действиями нарушает установленный порядок уголовного правосудия, что это может привести к негативным последствиям для правосудия и других лиц, и желает этого.

Мотивы данного преступного действия могут быть разными: месть, необходимость прервать какую-либо деятельность обвиняемого на время проверки, желание выставить его в негативном свете, сведение счётов с кем-либо, оболгав его, желание помешать работе правоохранительных органов и другое. Однако при определенных обстоятельствах это преступление может быть совершено и в других целях: когда, например, лицо сообщает об угоне его автомобиля с целью избежать ответственности за допущенное им правонарушение или преступление, при том мотив действий лица, сделавшего заведомо ложное сообщение, на квалификацию его преступных действий по статье 306 УК РФ не влияет.

Систематизируя вышесказанное, можно сформулировать следующие обязательные условия, выполнение которых облегчит работу при определении квалификации преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ, отличив его от других преступлений: 1) правильное определение элементов состава преступления; 2) четкое различение состава преступления, предусмотренного статьей 306 УК РФ, от идентичных составов преступлений, предусмотренных статьями 128.1 и 207 УК РФ; 3) проведение глубокого анализа собранных материалов проверки по поступившему заявлению с обязательно й проверкой версии ложности сделанного заявления; 4) обязательная проверка: не заблуждается ли сам заявитель в ложности заявленных им обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации М. : Проспект, 2020. 384 с.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2019. 336 с.
3. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-ое изд. дополн. М. : Издательство ЭЛПИС, 2005. 788 с.
4. Энциклопедия юридической психологии / под общей редакцией проф. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.

© Мигранов Р. Н.

© Тумин А. Ю.

УДК 343.242.3:342.234.5(470)

З. Р. МУГИНОВА, старший преподаватель
кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России (г. Уфа)

Z. R. MUGINOVA, Senior Instructor of the
Chair of Professional Training of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Ufa)

КАТЕГОРИЯ МИНИМИЗАЦИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В КОНТЕКСТЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

THE CATEGORY OF HARM MINIMIZATION CAUSED BY A CRIME IN THE CONTEXT OF SENTENCING

Аннотация. Возмещение вреда, возникшего в результате преступления, представляет собой важное направление в поддержке прав и законных интересов лиц, которые пострадали от преступных деяний. В статье проводится анализ понятия вреда, причиненного в связи с совершением преступления. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с его возмещением потерпевшему, касающиеся его определения и возможности минимизации такого вреда.

Ключевые слова и словосочетания: вред, потерпевшее лицо, виновное лицо, способы возмещения ущерба, минимизация вреда.

Annotation. Compensation of the harm resulting from a crime is an important direction in ensuring the rights and legitimate interests of persons who have suffered from crimes. The article analyzes the concept of harm caused in connection with the commission of a crime. Topical issues related to its compensation to the victim, concerning its definition and the possibility of minimization of such harm are considered.

Keywords and phrases: harm, injured person, guilty person, methods of compensation for damage, minimization of harm.

Неотвратимость наказания за совершенное преступление находит свое выражение не только в вынесении судом приговора о его назначении, но и в том

числе в возмещении имущественного и морального ущерба потерпевшей стороне, причиненного тем или иным преступлением. На наш взгляд, следует согла-

ситься с мнением С. М. Воробьева, что к возможным мерам, которые минимизируют в целом последствия совершения преступлений, можно отнести, прежде всего, меры ответственности за причинение вреда [1, с. 268].

Рассматривая категорию минимизации вреда, изначально следует обратиться к положениям Конституции Российской Федерации как основного закона нашей страны. Так в положениях ст. ст. 46 и 52 законодателем прописана гарантия охраны прав потерпевших субъектов от преступлений со стороны государства, в том числе закреплено обеспечение им доступа к правосудию и их законное право на компенсацию им причиненного ущерба. Обозначенная гарантия государства отражена и конкретизирована в положениях различных отраслей права и, прежде всего, это такие отрасли, как уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, гражданско-процессуальное право.

Следует заметить, что право на возмещение вреда является понятием комплексным. Оно включает в себе следующие правомочия потерпевшей стороны: право на компенсацию причиненного преступлением имущественного ущерба и право на возмещение морального вреда.

В уголовном судопроизводстве такая гарантия государства, имеющая своей целью обеспечение надлежащей защиты гражданских прав потерпевших от совершенных преступлений лиц (физических и юридических), содержится в положениях ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Она реализуется посредством разрешения исков о возмещении имущественного ущерба, в том числе и посредством компенсации морального вреда, на которую имеют право только физические лица. Исходя из закрепленных положений в ст. 42 УПК РФ подобный иск потерпевший может подать в рамках двух

видов производства: как уголовного, так и гражданского, исходя из обозначенной законом подведомственности дел. Законодатель в содержании положений пункта 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ указывает на обязательность доказывания характера и размера вреда, который возник в результате конкретного преступления.

Таким образом, окончательным моментом об определении субъекта (гражданина, юридического лица) в качестве потерпевшей стороны и, соответственно, гражданского истца выступает наличие последствий преступления – вреда. Необходимо подчеркнуть, что легальное определение «вред» непосредственно в уголовно-процессуальном праве отсутствует, и в этой связи можно обратить внимание на наличие некоторых трудностей при определении вопроса о признании потерпевшего субъекта гражданским истцом.

По мнению Т. Е. Сушиной, понятие «вред» более точно определено цивилистами и, соответственно, вполне применимо к уголовно-процессуальным отношениям [2, с. 138]. Законодательно установлено, что вред, наступивший по итогам совершения преступных действий в отношении таких субъектов, как граждане, дифференцируется на вред физический, имущественный и моральный вред. Вред, который могут понести юридические лица, – имущественный и вред, возникший в результате воздействий на их деловую репутацию посредством ее умаления.

Законодатель в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации связывает наступление физического вреда непосредственно с личностью пострадавшего (физического лица). Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) имущественный вред (ущерб) предполагает лишение или умаление имущества (объектов материального мира), кроме того, он всегда подлежит стоимостной оценке с целью компенсации. Моральный вред

(ст. 151 ГК РФ) имеет непосредственное отношение только к физическому лицу и предполагает наличие страданий как физического, так и нравственного порядка, которые возникли в результате неправомерных воздействий на его личные неимущественные права, либо на иные принадлежащие такому лицу нематериальные блага.

Имеет значимость, что разрешение гражданских исков в уголовном процессе основано, на выявлении в рассматриваемом деле следующих юридических фактов: непосредственно совершение преступления, наличие различной степени вреда, причинно-следственная связь между этим преступлением и наступлением данного вреда. И если в установлении факта наличия преступления со стороны привлекаемых к уголовной ответственности субъектов роль гражданского истца в силу определенных причин несущественна, то в определении точности последствий преступного деяния его позиция в уголовном судопроизводстве вполне может сыграть решающую роль.

Положения уголовного закона (ст. 14 УК РФ) определяют преступление как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное нормами закона под угрозой неизбежности наказания. И по факту, любое преступное действие может повлечь последствия в виде причинения вреда, который необходимо возместить потерпевшей стороне. Однако в действительности возможны такие ситуации, когда по факту совершения преступления возникает проблема компенсации его в материально-правовом смысле. Если, к примеру, преступное деяние совершено с нарушением интересов государства или прав личности, но при этом без наличия серьезных ощутимых материальных последствий. Более того, встречаются и такие ситуации, когда после совершенного деяния пострадавшая сторона в силу каких-либо причин не настаивает на компенсации возникшего в этой связи вреда. Интересно, что по ин-

формации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации лишь 10 % уголовных дел завершаются судами с разрешением гражданских исков [3, с. 25].

Положениями ст. 1082 ГК РФ закреплено, что удовлетворяя требование о возмещении вреда, суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т. п.) или возместить причиненные убытки (п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Стоит заметить, что непосредственно компенсация вреда в натуре именно в рамках уголовного дела редко когда применима. Довольно часто, в таком деле применим возврат похищенных вещей (не всегда того же качества) либо восстановление поврежденного имущества и т. п.

Но возмещение причиненных убытков в уголовном судопроизводстве – частый способ восстановления нарушенных прав потерпевшего. Такой способ находит свое выражение во взыскании стоимости украденного, поврежденного, причиненного имущества или же в денежной компенсации причиненного пострадавшему морального вреда. Именно поэтому представляет ценность точный размер причиненного преступным деянием вреда.

Говоря о понятии минимизации вреда, причиненного преступлением, следует отметить тот факт, что такая правовая категория законодателем не определена, поэтому критерии уменьшения причиненного вреда (его минимизация) напрямую связаны с определением суммы ущерба, подлежащей возмещению.

Стоимость имущества, являющегося предметом преступных посягательств, постоянно возрастает, причем не всегда сразу можно разобраться, какой вид стоимости (кадастровой, рыночной, балансовой) должен применяться при оценке причиненного вреда. В пункте 23 поста-

новления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» определяется размер имущественного вреда, который подлежит возмещению потерпевшему и исчисляется исходя из цен, сложившихся на момент вынесения решения по предъявленному иску.

Данное правило, разумеется, содержит некоторые исключения. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяя размер похищенного имущества, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о цене стоимость похищенного имущества может быть установлена на основании заключения экспертов, такое заключение может повлиять не только на минимизацию гражданского иска, но и на квалификацию содеянного и, как следствие, на размер определенного судом наказания.

Размер присужденной к взысканию суммы компенсации причиненного вреда не может быть увеличен с учетом индек-

сации в порядке исполнения приговора, поскольку такое решение не предусмотрено главой 47 УПК РФ. Заявление гражданского истца об индексации рассматривается судом в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с частью 1 статьи 208 ГПК РФ (п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»).

Имущественный вред, который возник в результате действий нескольких преступников, может быть возмещен по принципу солидарной гражданско-правовой ответственности, тогда как моральный вред компенсируется в денежной форме по правилам долевой ответственности, исходя из характера и объема причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и степени вины каждого [4, с. 45].

Итоговый вывод сводится к тому, что категория минимизации вреда (имущественного, морального), причиненного совершенным преступлением, нормативно законодателем не определена и напрямую зависит от оценки вреда в рамках каждого конкретного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев С. М. Институт компенсации морального вреда в системе защиты прав человека в России : история и современность : монография / С. М. Воробьев. Рязань: Политех, 2014. С. 267–420.
2. Сушина Т. Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 136–147.
3. Карабанова Е. Н., Цепелев К. В. Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда : проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 24–27.
4. Бубчикова М. В. Гражданский иск в уголовном процессе // Российский судья. 2015. № 9. С. 44–47.

© Мугинова З. Р.

Е. А. ПЕТРОВА, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. A. PETROVA, Head of the Chair of Foreign and the Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philology, associate professor (Ufa).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ЛОГИКО-КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

THE USE OF THE METHOD OF LOGIC-COGNITIVE ANALYSIS IN CONDUCTING LINGUISTIC EXPERTISE

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей проведения лингвистической экспертизы как специфической отрасли лингвистического знания в сфере юрислингвистики. В статье показано, что вопрос лингвистических экспертиз на сегодняшний день является актуальной и социально значимой проблемой в обществе, поскольку лингвистическая экспертиза занимает самостоятельное место в классификационной системе экспертиз и является одним из самых востребованных направлений экспертной деятельности. Автором предлагается концепция проведения лингвистических экспертиз на основе логико-когнитивного анализа, подразумевающего исследование ментальных структур, использованных в конфликтных текстах не только на поверхностном, но и глубинном уровне.

Ключевые слова и словосочетания: лингвистическая экспертиза, язык, мышление, сознание, логосфера, речемыслительный продукт, конфликтный текст, дискурс.

Annotation. The article is devoted to the description of the peculiarities of linguistic expertise as a specific branch of linguistic knowledge in the field of legal linguistics. The article shows that the issue of linguistic expertise today is an urgent and socially significant problem in the society, since linguistic expertise occupies an independent place in the classification system of expertise and is one of the most demanded areas of an expert activity. The author proposes a concept of linguistic expertise based on the logical-cognitive analysis, which implies the study of mental structures used in conflicting texts not only at the superficial, but also at the deep level.

Keywords and phrases: linguistic expertise, language, thinking, consciousness, logosphere, speech-thinking product. conflict text, discourse.

Известно, что на протяжении многих десятилетий науки (в том числе гуманитарные) стремились размежеваться, подчеркивая свою специфику и разясняя используемые подходы, методы и

приемы. Для становления определенной научной области – это неизбежный и необходимый этап. Со временем, однако, науки, а зачастую и разные специализации в рамках одной и той же науки, на-

чинают сближаться, так как интеграция знаний содействует более глубокому проникновению в суть той или иной исследуемой проблематике. Именно этот процесс сближения и совмещения разных научных областей и подходов соединяет несколько научных парадигм в проведении судебной лингвистической экспертизы. В данном контексте мы подразумеваем юрислингвистику и лингвоюристику которые изучают связь и отношения между языком и законом. Если быть более точным, то юрислингвистика изучает отношение закона к языку, а лингвоюристика – отношение языка к закону. Следовательно, лингвистическая экспертиза – это прикладное юрислингвистическое исследование, диалектически совмещающее юридические и лингвистические аспекты.

Мы согласны с Н. Д. Голевым, утверждающем об общественной необходимости «выработки общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции» [1, с. 16]. Отсюда следует, что методологические принципы, которыми, как правило, руководствуются при составлении экспертных заключений, основаны на знаниях не только криминалистов, судебных экспертов, но и лингвистов.

Анализ эмпирического материала показывает, что лингвистическое экспертное исследование, будучи новой сферой деятельности языковедов, базируется на достижениях не только классической лингвистики, но и на таких научных парадигмах, как логико-когнитивный и лингвопрагматический анализ языка, когнитивно-дискурсивный анализ и лингво-когнитивное моделирование высказывания. Это ставит принципиально новые вопросы, требующие оригинальных решений для сохранения

динамического равновесия между специфическими и, зачастую, разнонаправленными тенденциями языка и права, обусловленными сущностью и функциями этих социальных феноменов.

Лингвистическая экспертиза подразумевает различные виды лингвистического анализа, такие как лексико-семантический, грамматический, стилистический и другие. Эксперты, работающие в данной области, должны опираться на объединение в предлагаемой системе суждений на четыре ключевых понятия – «действительность» – «мышление» – «сознание» – «логика», что, по нашему мнению, даст возможность по-новому объяснить речемыслительную деятельность человека и интерпретировать средства выражения ее результатов.

При проведении лингвистической экспертизы с помощью лингвистических и экстралингвистических методов может выявиться смысл, заложенный в исследуемом тексте, предложении, слове, установить объем и содержание понятий и объяснить их роль. Объектом лингвистической экспертизы выступают, как правило, речевые произведения различных дискурсов (отдельные слова, словосочетания, высказывания; произведения устной или письменной речи; материалы, тексты СМИ, периодические печатные издания, материалы теле- и радиоканалов, радиопрограмм, под которыми понимаются аудиовизуальные сообщения (передачи); газеты, журналы, имеющие постоянное название; выступления, сообщения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе аудиовизуальные сообщения и материалы; материалы дела, по которому проводится судебная лингвистическая экспертиза (протоколы судебных заседаний, следственных действий, объяснения и показания свидетелей, потерпевших и т. д.), поэтому необходимо проникнове-

ние в их глубинную структуру и осмысление закономерностей их организации как ментальных репрезентаций и коммуникативных единиц. Такой подход, мы считаем, сможет правомерно стать теоретико-методологической основой для проведения квалифицированной лингвистической экспертизы.

Следующим, на наш взгляд, ключевым моментом, на который следует обращать внимание специалистам при проведении лингвистической экспертизы, должно стать понимание того, что структуры мышления находятся в тесной связи с синтаксическими формами их языкового выражения, т. е. «язык не только выражает конкретные по содержанию мысли, но и отражает логику мышления» [3, с. 9]. Очевидно, что язык закрепляет в своих формах результат мыслительной деятельности и воздействует на процессы мышления, оформляя и конкретизируя наши мысли в процессе коммуникации. Следовательно, язык — это «система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения» [5, с. 1033], создающая новую реалию для человека и являющаяся «средством самопознания» [6, с. 77–93].

Из вышесказанного следует, что лингвистическая экспертиза опирается на следующие аксиомы общей теории языка, а именно: язык — это феномен лингвокультуры, поскольку он отражает присущую вещам сущность и имеет этническую самобытность в отражении картины мира; язык — это продукт деятельности сознания; язык связан с мышлением. При этом мышление рассматривается как двухуровневый процесс, при котором семантическая (собственно языковая) форма представляет собой «поверхностный слой мышления, который является репрезентантом глубинного слоя, т. е. логического мышления» [2, с. 368].

Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой, интерпретация различных судебных постановлений в рамках дискурсивных образований должна проводиться с точки зрения их взаимодействия с логическим субстратом сознания и когнитивной деятельностью индивида, что, в свою очередь, невозможно без учета существования логосферы языка, связанной, с одной стороны, с языковым сознанием и, шире, с мышлением, а с другой — с языковой картиной мира. Под логосферой нами понимается некая «незримая», но типичная для данной социальной среды совокупность стереотипов мышления, проявляющаяся в способах аргументации, в умении оценивать умозаключения, разрабатывать гипотезы (с последующим определением их вероятности), в способности систематизировать объекты (классифицировать или типологизировать) и так далее [3, с. 166]. И, наконец, согласимся с доказательным выводом, согласно которому «логико-семантическая организация ментальных единиц происходит на глубинном уровне, где взаимодействуют семантико-языковые и логические формы мысли также как на уровне высказывания, так и на уровне дискурса» [Ibid, с. 167]. Мы полагаем, что именно логико-когнитивный подход сможет установить достоверно фактические данные, вербализованные в конфликтных дискурсах, и которые имеют большое значение для урегулирования споров разного характера.

Поскольку язык является средством коммуникации и средством манипулирования сознанием, то он, несомненно, отображает модус логической семантики. Нами подразумевается то, что эксплицитное выражение мыслей подчиняется внутренним (структурным) законам языка, т. е. он социально детерминирован. Кроме того, имея способность к вторичной номинации, язык выступает как средство манифестации скрытых символов.

лов. Имплицируемый же характер смысла выражения зависит от семантики эксплицитного содержания.

При проведении лингвистической экспертизы анализу подвергаются различные типы дискурсов. Отметим, что, поскольку дискурс – это социально обусловленная организация системы речи, то диагностика лингвистической экспертизы, с одной стороны, направлена на установление связей между средствами языка, и, с другой стороны – на логическую интерпретацию таких выражений.

По сути дела, лингвистическая экспертиза – это интерпретация конечного результата речевой деятельности, а точнее – лингвистический анализ маркеров языка.

Итак, задача лингвистической экспертизы заключается в том, чтобы показать участие коммуникантов в социальном взаимодействии, так как ее организация средствами языка носит динамический, системный характер. Коммуникативные позиции отправителя и адресата сообщения объединены единым отношением межличностной интеракции. Осмысление речевой коммуникации как системного процесса позволяет увидеть не только его дискретный характер, но и его функционирование в качестве необходимого компонента межличностного взаимодействия в обществе.

Как отмечает И. Н. Тупицына, «в интеракцию вступают средства трех уровней организации коммуникативных личностей: вербально-семантического (значения лексико-грамматических средств), когнитивного (концепты), прагматического (потребности, мотивы, цели, ценности)» [4].

Таким образом, круг задач, решаемых данной экспертизой, очень широк: от определения лексического значения отдельного слова, высказывания до установления смысловой направленности

материалов, зафиксированных на сайте в информационно-телекоммуникационной системе Интернет. Следовательно, решение идентификационных и диагностических задач различных родов судебных экспертиз требует специальных знаний, в том числе и в области лингвистики.

Исходя из вышеизложенных фактов, мы считаем, что при проведении лингвистической экспертизы целесообразно опираться на следующие методы анализа: метод структурно-семантического анализа, метод дискурсивного анализа, логико-когнитивный метод. В рамках данной статьи мы обратимся к лингвистическому анализу документов, квалифицирующих угрозу, клевету, оскорбление, а также остановимся на анализе иноязычных документов.

Начнем с того, что по объему анализа различают следующие виды лингвистических экспертиз:

1. Холистические, т. е. полнотекстовые.

2. Частные, когда интерпретируются значения слов, словосочетаний и высказываний в рамках текстов законов и подзаконных актов; выявляется омонимия, полисемия, синонимия слов и синтаксических конструкций и т. д.

Далее приведем примеры некоторых типовых вопросов, которыми руководствуются при проведении лингвистической экспертизы по делам и статьям:

По различным категориям дел, в основной или квалифицированный состав которых входит угроза:

1. Имеются ли в высказывании «...» признаки вербальной агрессии в форме угрозы?

2. Если да, то каково основание вербальной агрессии в форме угрозы? (вопрос решается с участием эксперта-психолога).

Проанализируем следующий пример:

В отдел полиции (ОВД) по району города
от Степаненко Р. Л.
адрес регистрации:
фактическое проживание:
паспортные данные:
сотовый телефон:

Заявление

С моим соседом Седовым К. Л. из квартиры № _ дома № _ по улице _ я общаюсь только «на повышенных тонах» в течение последних трех лет. Причина этого – огороженная площадка на третьем этаже нашего дома, которая находится в моем личном пользовании.

Вчера, (число, время), между нами, в подъезде состоялся спор, в ходе которого были высказаны угрозы физической расправой для меня и членов моей семьи. Среди прочих в разговоре были использованы формы высказывания «Я вас всех зарежу!», «Вы не доживете до понедельника!».

Угрозы были высказаны в агрессивной форме. В то время, когда произносились слова о намерении убить, сосед взял острый шампур и пытался прикоснуться им к моей шее. Противоправные действия гражданина Седова К. Л. может подтвердить моя жена, Степаненко Л. В., присутствующая на площадке.

Данную угрозу я воспринял как реальную. С тех пор я опасаюсь не только за свою жизнь, но и за жизнь и здоровье жены и детей. С целью предотвращения дальнейшего развития конфликта и чтобы избежать преступления прошу провести мероприятия и возбудить уголовное дело.

Согласно статье 306, 307 УК РФ предупрежден, что за ложный донос предусматривается уголовная ответственность.

ДАТА _____

ПОДПИСЬ _____

РАСШИФРОВКА ПОДПИСИ _____

В приведенном заявлении присутствуют выражения, сема которых содержит вербальную угрозу, т. е. словесное нападение на истца, которое имеет отрицательную коннотацию и выражается во вспышках гнева (были высказаны угрозы физической расправой), крика (на повышенных тонах; также в заявлении присутствуют эмоционально окрашенные восклицательные конструкции), угрозах («Я вас всех зарежу!», «Вы не доживете до понедельника!»), атаках, сопровождающих вербальную угрозу («когда произносились слова о намерении убить, сосед взял острый шампур и пытался прикоснуться им к моей шее»). Таким образом, исходя из частичного анализа и методов, применяемых в лингвистической экспер-

тизе, можно сделать вывод о том, что в представленном конфликтном тексте содержится вербальная угроза.

По делам о клевете:

1. Содержится ли негативная информация о ... (Ф.И.О.) в следующих высказываниях: «...»?

2. В какой форме – утверждения о фактах или субъективного суждения (мнения, оценки, предположения, вопроса и т. д.) – представлена эта информация?

3. Содержится ли в представленных материалах (указать, каких именно) информация о том, что Ф.И.О. страдает каким-либо заболеванием? Если да, то в какой форме представлена эта информация?

4. Содержится ли представленных материалах (указать, каких именно) информация о том, что Ф.И.О. совер-

шил какие-либо преступления? Если да, то в какой форме представлена эта информация?

Начальнику УМВД России
по Ульяновской области
полковнику полиции
Артищеву Сергею Михайловичу
от главного врача
ГУЗ «ЦКМСЧ им. В.А.Егорова»
Мидленко Максима Александровича

Заявление

14 июля 2018 года в 12:07 на сайте URA.RU была опубликована статья «Бюджетникам тайно объявили об отставке главы региона. «Нашего губернатора, по ходу приняли». Информация, изложенная на данном сайте, является ложной и все перечисленное в ней не является действительностью. В больнице никакого собрания не проводилось и ничего подобного сказано не было. В статье меня обвиняют в оскорблении высшего должностного лица, выставляют меня клеветником. Информация, опубликованная в статье, порочит мою честь и подрывает имидж руководителя медицинского учреждения. В статье не указывается ни имя автора, ни источника информации. Я официально заявляю, что опубликованные материалы являются ложью.

Прошу Вас провести проверку по данной статье и наказать виновных.

15.07.2018

Мидленко М. А.

На встрече с коллективом главный врач Центральной клинической медико-санитарной части Ульяновска Максим Мидленко сказал: «Сейчас все поменяется, придет новый губер. Нашего губернатора, походу, приняли. Поменяется вся система, дай Бог, она будет более прозрачной» (аудиозапись имеется в распоряжении «URA.RU»). «У меня одно образование юридическое, другое – экономическое». «Да и вообще по жизни вроде не ...удак», – охарактеризовал себя главврач, отметив, что «все будет ништяк».

При проведении лингвистической экспертизы можно констатировать, что в тексте присутствует помимо сленгов и жаргонизмов нецензурная лексика (арго). Так, некоторые фразы содержат скрытую коннотацию, например, «приняли» на воровском жаргоне, который использует главврач, означает «задержали» или «арестовали»; «ништяк» – сленг,

т. е. слово, значение которого ограничено сферой употребления. Ментальные языковые структуры, используемые в тексте, представляют, в основном, ассерторические суждения, представленные в большинстве случаев энтимемами, смысл которых можно узнать, восстановив их полную структуру. В целом, спорный текст представляют собой логическую цепочку с квалификационно-оценочными отношениями проспективной корреляции. Конечно, данная экспертиза должна сопровождаться технической экспертизой, т. к. следуют расшифровать аудиозаписи.

По делам об оскорблении:

1. Имеет ли высказывание «...» признаки неприличной формы?

2. Содержит ли высказывание «...» нецензурную лексику?

3. Адресовано ли высказывание «...» конкретному лицу (Ф.И.О.)?

Проанализируем пример следующего заявления об оскорблении:

В Гатчинскую городскую Прокуратуру
188350, Ленинградская область,
г. Гатчина, ул. Красная, д. 16
Тел./факс: (813-71) 221-23
Ф.И.О. заявителя
Адрес

Заявление

Я, ФИО, проживаю по вышеуказанному адресу с Ф.И.О. и ее дочерью Ф.И.О.

21 июня 2014 года около 13.30 ко мне в квартиру, по домофону, позвонила Ф.И.О. (бабушка Ф.И.О.), я впускать её не хотела, поэтому вышла на улицу.

Я вышла на улицу примерно в 13.35, Ф.И.О. спросила у меня, где её внучка? Когда я ответила ей, что её внучка Ф.И.О., и её дочь (моя невестка) Ф.И.О., не дождавшись её прихода, уехали, Ф.И.О. стала оскорбительно выражаться сначала в адрес собственной дочери – Ф.И.О., потом в адрес моего сына (мужа Ф.И.О.), после чего стала оскорбительно выражаться в мой адрес и адрес моего жилища.

Называла меня «моральной уродкой», оскорбительно выражалась в адрес моего сына и невестки, говоря, что:

- «вся моя семья помойно-выгребная яма и в ней мы и живём»;
- «её дочь и моя невестка непорядочная женщина, и неизвестно от кого родила Анфису»;
- «я, мой сын и невестка ненормальные, с психическими заболеваниями»;
- «обещала «опустить» меня, и мою семью «ниже плинтуса» и разорить».

Свидетелем данной безобразной сцены стала моя соседка – Ф.И.О., адрес проживания: Ленинградская обл., Гатчинский район, д. XXXXXX, д. XX кв. X, тел. XXXXXX.

Считаю, что такие действия ФИО являются оскорбительными для меня и моей семьи. В её действиях присутствует состав правонарушения, предусмотренный ст. 5.61 КОАП РФ.

На основании вышеизложенного и в соответствии со ст. 5.61 КОАП РФ

ПРОШУ:

1. Привлечь к административной ответственности по ст. 5.61 КОАП РФ.

ФИО, прож. Ленинградская обл., г. XXXXXX, ул. XXXXXX, д. XX, кв. X, тел. +X(XxXx) XXX-XX-XX

Дата: _____

Подпись: _____

Применив методы лингвистической экспертизы, мы можем констатировать, во-первых, что в приведенном заявлении употребление непристойных слов и выражений прямо адресовано конкретному лицу с целью унижения его в глазах окружающих. Во-вторых, мы имеем дело с

инвективным дискурсом (инвектива от лат. *invectiva (oratio)* – бранная речь), так как используются слова и выражения, сема которых содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо (в данном случае родственников истца). Таким образом, использу-

емая инвективная лексика нацелена на нанесение психологической травмы истцу. На основании этого можно сделать вывод о подтверждении оскорбительного характера исследуемых выражений, т. е. наличия неприличной языковой формы выражения негативной информации. Интерпретируя социовербальную коммуникацию истца и ответчика с логико-когнитивной точки зрения, мы пришли к заключению, что коммуникативные позиции отправителя и адресата заявления характеризуются неприязненной межличностной интеракцией в рамках логосферы, отражающей присущие, как ответчику, так и истцу определенные стереотипы мышления.

По гражданским делами о защите чести, достоинства и деловой репутации:

1. Имеются ли в тексте негативные сведения о... (Ф.И.О., название юридического лица), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах? В каких конкретно высказываниях содер-

жатся эти сведения и какова их смысловая направленность?

2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о... (Ф.И.О., название юридического лица), то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?

3. Подтверждает ли лингвостилистический анализ текста, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении г-ном (Ф.И.О.) действующего законодательства, общепринятых моральных норм и принципов?

4. В каком значении употреблено слово (словосочетание, фраза, конструкция) в тексте публикации?

5. Какова композиционная структура текста статей (статьи), какие стилистические приемы использует автор и как они характеризуют героев публикации?

6. Являются ли сведения, изложенные в тексте, утверждениями о фактах, если да, то каких, или оценочными суждениями, мнением автора публикации?

Проанализируем пример.

Генеральному прокурору

Российской Федерации

Чайке Ю. Я.

125993, Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15а

от членов общественной организации

«Национально-освободительное

движение»

Заявление

На телеканале «Россия-1» 19 февраля 2017 года в 20:00 вышла в эфир еженедельная итоговая информационно-аналитическая программа «Вести недели». В одном из сюжетов программы ее ведущий Евгений Киселев комментируя общественно-политические акции общественной организации «Национально-освободительное движение» (НОД) назвал активистов движения «бродячим цирком», «балаганом», «малахольными», «ряжеными», «бедными людьми», «каликами переходжими».

Считаем эти публично произнесенные в СМИ высказывания Евгения Киселева оскорбительными по содержанию, унижившими нашу честь и достоинство в циничной, противоречащей принятым нормам поведения форме, направленными на подрыв нашей репутации в глазах окружающих и наносящими ущерб самоуважению членов НОД.

В соответствии со ст. 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством. Никто не должен подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Предусмотренное ст. ст. 23 и 46 Конституции Российской Федерации право каждого на защиту своей чести и доброго имени является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

Просим возбудить в отношении Евгения Киселева дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 5.61. (Оскорбление) КоАП РФ, провести административное расследование и привлечь его к административной ответственности.

16.08.2018

Иванова И. А.

Перед нами конфликтный или, иначе говоря, спорный текст, представленный в интервью Д. Киселева – Гендиректором МИА «Россия сегодня» и телеведущего, на телеканале «Россия-1» 19 февраля 2017 года в еженедельной итоговой информационно-аналитической программе «Вести недели». Отметим, что под конфликтным текстом подразумевают результат вербально выраженного коммуникативного столкновения взаимодействующих субъектов (адресанта и адресата), что может привести к судебному разбирательству. Конфликтный текст характеризуется, как правило, наличием персонализированного адресата, языковых индексов конфликтогенного потенциала, а также публичным характером репрезентации.

В своих комментариях Дмитрий Киселев нелестно отозвался о названном фигуранте и организации «Офицеры России», прославившейся после атаки на фотовыставку Джона Стерджеса: «Вообще, в России мы мягко и со снисхождением относимся к малахольным политикам, которые хотят нас удивить, к чему-то призвать или, наоборот, куда-нибудь отправить. Удивительным образом эти малахольные пробираются в какие-то структуры, набирают какой-то эфемерный, но вроде вес. С умным видом навязывают нам глупые дискуссии. Ахинеи сейчас несут так много, что в этом информационном шуме можно утонуть». Далее он сказал: «НОД – это бродячий цирк, который колесит по Мо-

скве». ... Особую грусть вызывает то, что депутат Федоров набрал бедных людей и вооружил их несоразмерно большими – прямо-таки гротескными знаменами под георгиевскую ленту. Гордый символ русского оружия и битвы с фашизмом – Победы – Федоров маркировал названием своего псевдодвижения и сделал из всего этого балаган с участием то ли ряженых, то ли калик перехожих. Кошунство какое-то! Вообще, вот эта манера малахольных – эксплуатировать благородные символы для скандалов и пустозвонства – малосимпатична».

По делу о защите чести, достоинства и деловой репутации был поставлен вопрос: «Имеется ли в указанном тексте сознательная направленность автора на унижение чести и достоинства Е. Федорова и его соратников и опорочение их деловой репутации?» В данном случае будем исходить из частного анализа, когда интерпретируются отдельные слова и фразы. Во-первых, приведенное высказывание имеет персонализированного адресата, т. е. адресовано конкретному лицу – Евгению Федорову. Исследуемый конфликтный текст представляет собой публичную презентацию, т. к. обращен к многомиллионной аудитории телезрителей. С лингвистической точки зрения в выступлении не использованы высказывания в адрес Е. Федорова, содержащие оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию. С другой стороны, в приведенном высказывании употребляются такие языковые индексы конфликтоген-

ного потенциала, а именно: эпитеты, имеющие отрицательную коннотацию, например, «малахольные, калики ряженые»; идиомные выражения – «бродячий цирк, балаган» и т. д. с целью унижения адресата в глазах окружающих. Кроме того, манера подачи информации не соответствует официально-деловому стилю, который присущ для средств массовой информации. Задача диктора заключается не в том, чтобы давать субъективные оценочные суждения, а информировать зрителей о происходящих событиях.

В ходе судебной лингвистической экспертизы можно установить, что в тексте присутствуют негативные высказывания об истце, т. е. субъективные оценки, мнения. В приведенном примере истец использовал приемы, провоцирующие речевую агрессию собеседника, часто используемые в шоу-батах, чтобы создать атмосферу словесных поединков. Интерпретируя использование выражений с идиомной коннотацией, следует отметить, что данные слова анализируются по их коммуникативной цели в определенном идиоме, то есть в речи социальной группы, которая является социальной базой данного идиома. Речь идет о том, что в сознании носителей языка слово может иметь как однозначную, так и неоднозначную идиомную коннотацию. Исходя из наших размышлений, мы считаем, что в целом разрешение данного спора требует дальнейшего разбирательства на предмет соответствия изложенных фактов действительности, поскольку истцы, в свою очередь, также нелестно отзывались об ответчике, называя Д. Киселева «трампоманом». На наш взгляд, в компетенцию экспертов-лингвистов не входит проверка оценочных утверждений на соответствие действительности. Соответствие действительности должно устанавливаться в процессе судебного разбирательства. Следовательно, в данном случае не представляется возможным однозначно ответить на вопрос, является ли информация порочащей.

Особого внимания заслуживают иноязычные документы, когда требуются знания лингвиста-эксперта, владеющего иностранным языком. По нашему мнению, в данном случае при проведении лингвистической экспертизы целесообразно отталкиваться от следующих вопросов:

1. Соответствует ли представленный на лингвистическую экспертизу русскоязычный перевод «...» оригиналу на иностранном языке «...»?
2. В каком значении употреблено слово «...» в представленном тексте?
3. Каково значение слова «...» в современном русском (иностранном) языке?
4. Являются ли тождественными с лингвистической точки зрения (происхождения значения) следующие имена: «...», «...»?
5. Являются ли перечисленные имена литературными, диалектными, народными вариантами одного имени?
6. Соответствует ли кириллическое написание слова «...» латинскому «...»?
7. Соответствует ли текст «...» коммуникативным требованиям официально-деловой сферы?
8. Какова речевая стратегия высказывания?

Приведем пример статьи “Russia’s Counter COVID-19 Aid to America Advances Case for Détente” в американском издании Associated Press (AP): “Russia had given urgent and substantial aid to the U.S. to fight the pandemic, and “Beijing Believes COVID-19 is a Biological Weapon, which amplified statements by the Chinese. The disclosure comes as the spread of disinformation, including by Russia, is an urgent concern heading into November’s presidential election as U.S. officials look to avoid a repeat of the 2016 contest, when a Russian troll farm launched a covert social media campaign to divide American public opinion and to favor then-candidate Donald Trump over Democratic opponent Hillary Clinton. The U.S. government’s chief

counterintelligence executive warned in a rare public statement Friday about Russia's continued use of internet trolls to advance their goals. Even apart from politics, the twin crises buffeting the country and much of the world – the pandemic and race relations and protests – have offered fertile territory for misinformation or outfight falsehoods. Trump himself has come under scrutiny for sharing misinformation about a disproven drug for treating the coronavirus in videos that were taken down by Twitter and Facebook. Officials described the Russian disinformation as part of an ongoing and persistent effort to advance false narratives and cause confusion” [7].

Если кратко интерпретировать содержание статьи на русском языке, то в ней говорится о том, что Россия оказала срочную и существенную помощь США в борьбе с пандемией. Пекин считает, что COVID-19 – это биологическое оружие. В статье Россию обвиняют в дезинформации о пандемии, оказывающей якобы влияние на предстоящие президентские выборы в США в ноябре. Официальные лица США надеются избежать повторения конкуренции 2016 года, когда Россия запустила скрытую кампанию в социальных сетях, чтобы разделить американское общество в пользу на тот момент кандидата Дональда Трампа над оппонентом демократов Хиллари Клинтон. Глава контрразведки правительства США предупредил в своем публичном заявлении о продолжающемся использовании Россией интернетресурсы для достижения своих целей. По утверждению журналистов, российская разведка для этого использует сайты на английском языке. В частности, отмечается, что пандемия названа экспериментом по манипулированию миром. В статье делается вывод о том, что Россия при помощи фейковых статей собирается повлиять на американцев и дискредитировать действия американских властей по борьбе с распространением COVID-19.

Используя семантический анализ лексики на основе словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, лингвосемиотический анализ, метод смысловой интерпретации с использованием лингвокультурологических процедур, мы пришли к выводу, что, в целом, текст статьи выдержан в официально-деловом стиле и по характеру содержания представляет собой интервью мнений – автор комментирует, высказывает свое мнение. Говоря о коммуникативно-прагматической установке текста, отметим, что автор статьи прибегает к речевому, в частности, персуазивному воздействию на реципиентов с целью манипулирования их сознанием. Речь идет о суггестивном манипулировании, что подтверждается использованием выражений, часто в форме повторов (например, Russian troll farm launched a covert social media campaign to divide American public opinion; Russia's continued use of internet trolls to advance their goals, etc). Как показывает анализ политических медиа дискурсов, данный языковой феномен характерен именно для таблоидных изданий британской и американской прессы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в представленном тексте содержится недостоверная информация, поскольку представленный дискурс содержит в основном энтимемы, состоящие из аподиктических логем субъективной оценки.

Итак, как видно из рассмотренного эмпирического материала, судебная лингвистическая экспертиза является одним из актуальных направлений экспертной деятельности, поскольку она подразумевает исследование продуктов речевой деятельности и позволяет устанавливать фактически данные, имеющие доказательственное значение по уголовным, гражданским, арбитражным и административным делам. Предлагаемый нами метод логико-когнитивного анализа при проведении судебной линг-

вистической экспертизы позволяет интерпретировать полученные результаты

экспериментального исследования на качественно новом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. (Юрислингвистика – 1. Проблемы и перспективы / Н. Д. Голев. Барнаул, 1999. С. 11–58.
2. Кривоносов А. Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» / А. Т. Кривоносов. Москва – Нью-Йорк, 2006. 805 с.
3. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктентной дискурсивации: дисс. д-ра филол. н. / Е. А. Петрова. Уфа, 2012. 416 с.
4. Тупицина И. Н. Речевая коммуникация: личностно-когнитивное измерение / И. Н. Тупицина. М. : Изд-во РГСУ, 2005. 220 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с.
6. Bickerton D. Symbol and structure: a comprehensive framework for language evolution / D. Bickerton. Language Evolution. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 77–93.
7. Associated Press News URL: <https://apnews.com/3acb089e6a333e051dbc4a465cb68ee1> (дата обращения: 29.07.2020).

© Петрова Е. А.

УДК 343.352(470)

Р. А. РОДЫГИН, преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

R. A. RODYGIN, Instructor of the Chair of Criminal Law of Ural Law Institute of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МЕЛКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА И МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

ABOUT SOME ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR COMMITTING PETTY COMMERCIAL BRIBERY AND PETTY BRIBERY

Аннотация. Одним из актуальных направлений развития современной уголовной политики является повсеместное распространение принципа гуманизма. Руководствуясь данным принципом, в 2016 году законодателем были введены в действие ст. ст. 204², 291² Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество соответственно. Указанное нормотворческое событие вызвало бурную, в основном негативную, реакцию, как у научного сообщества, так и у правоохрани-

ментелей. В рамках данной статьи анализируются некоторые проблемные аспекты уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп, мелкое взяточничество. Обосновывается вывод о том, что недопустимо отождествлять степень общественной опасности коррупционного преступления с размером предмета взятки (коммерческого подкупа). Автор акцентирует внимание на проблемных вопросах квалификации указанных преступлений. В выводе ставится вопрос о целесообразности нахождения ст. ст. 204², 291² в Уголовном кодексе Российской Федерации, аргументируется мнение о преждевременности установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество (мелкий коммерческий подкуп).

Ключевые слова и словосочетания: коррупция, мелкое взяточничество, мелкий коммерческий подкуп, противодействие коррупции, уголовная ответственность, наказание, принцип справедливости.

Annotation. The widespread dissemination of the principle of humanism is the one of the actual direction of modern criminal policy. Guided by this principle, in 2016 the legislator enacted articles 204² and 291² of the Criminal Code of the Russian Federation, which criminalize petty commercial bribery and petty bribery. This legislative action caused a stormy, mostly negative, reaction from the scientific community and from law enforcement officers. In this article, some problematic aspects of criminal liability for petty commercial bribery and petty bribery are analyzed. The conclusion is substantiated that it is inadmissible to equate the degree of public danger of a corruption crime with the size of the subject of a bribe (commercial bribery). The author reveals the problematic issues of qualification of these crimes. The conclusion raises the question of the advisability of finding articles 204² and 291² in the Criminal Code of the Russian Federation. The author argues the opinion that it is premature to establish criminal liability for petty bribery (petty commercial bribery).

Keywords and phrases: corruption, petty bribery, petty commercial bribery, anti-corruption, criminal liability, punishment, principle of justice.

Коррупция является одной из основополагающих проблем и настоящим вызовом для современной России, из-за которой в значительной степени нарушается нормальное функционирование государственной власти, подрывается её авторитет, невозможно эффективное экономическое развитие. Определяющую роль в борьбе со всеми коррупционными проявлениями играет наличие и уровень развития уголовно-правовых мер противодействия, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако сформированная в УК РФ система уголовно-правовых запретов в области противодействия коррупции вызывает неоднозначную оценку многих ученых, а также сотрудников правоохранительных органов.

Так, большой научный резонанс вызвал Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации», который установил уголовную ответственность за – «Мелкий коммерческий подкуп» (ст. 204² УК РФ) и «Мелкое взяточничество» (ст. 291² УК РФ).

Прежде всего, необходимо уяснить, какими мотивами руководствовался законодатель при принятии подобного решения. Исходя из содержания пояснительной записки к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», необходимость закрепления самостоятельных составов мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества заключалась главным образом в большом количестве выявленных преступных фактов, где сумма предмета преступления составляла менее 10 000 рублей, а также в небольшой общественной опасности данных деяний. В дополнение к этому указывалось на необходимость установления более мягко-

го наказания по сравнению с санкциями, предусмотренными в ч. 1 ст. 204 УК РФ, ч. 1 ст. 290 УК РФ и ч. 1 ст. 291 УК РФ [1]. Если на момент принятия данного нормативного правового акта действительно имело место значительное количество возбужденных уголовных дел, где предмет взятки или коммерческого подкупа не превышал 10 000 рублей, то сегодня же ситуация изменилась. Согласно статистическим данным, опубликованным Следственным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2019 году число осужденных лиц по размеру взятки, коммерческого подкупа до 10 000 рублей составило 3445 человек (аналогичный период прошлого года (АППГ) – 4807), а свыше 10 000 рублей – 6755 человек (АППГ – 6969) [2]. Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция, заключающаяся в значительном преобладании числа лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда за совершение коррупционного преступления с предметом взятки более 10 000 рублей над лицами, осужденными за мелкое взяточничество (мелкий коммерческий подкуп).

У многих исследователей возникает логичный вопрос: по какой причине законодатель выделяет в отдельный состав уже предусмотренное УК РФ преступление, ограничивая его размером предмета взятки (коммерческого подкупа)? Видится, что он руководствовался принципом справедливости и возможностью назначения более мягкого наказания. Но в действующем уголовном законодательстве уже предусмотрена возможность назначения более мягкого наказания за совершенное преступление. Так в ч. 1 ст. 64 УК РФ закреплен ряд условий, при соблюдении которых виновному лицу может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этими статьями.

Более того, нельзя отождествлять общественную опасность коррупционного преступления только размером предмета взятки (коммерческого подкупа). Возможность дестабилизации основ государственной власти и управления, дискредитации и подрыва авторитета власти в глазах населения (нарушение нормального функционирования управленческого аппарата коммерческих организаций – в случае с мелким коммерческим подкупом) – вот, чем определяется общественная опасность данных преступлений. Размер предмета взятки (коммерческого подкупа) в основном должен учитываться судом при назначении наказания виновному лицу. Подобная либерализация уголовной политики государства вызывает небезосновательную тревогу у ученых и правоприменителей, многие из которых допускают, что в скором будущем подобные действия с незначительным размером предмета взятки (коммерческого подкупа) могут перейти в категорию административных правонарушений, по аналогии с мелким хищением [3]. Соответственно, по нашему мнению, недопустимо соизмерять общественную опасность анализируемых преступлений только количественными показателями предмета взятки (коммерческого подкупа).

Еще одним спорным вопросом построения данных норм, является то, что законодатель уравнивает общественную опасность действий взяткодателя и взяткополучателя, исключая дифференциацию их ответственности. Данная позиция представляется нам также не совсем правильной и логичной, так как общественная опасность действий взяткополучателя намного выше.

Анализируя же диспозицию ч. 1 ст. 204² УК РФ, неясно, какие действия образуют объективную сторону данного состава преступления? Законодатель просто указал на преступление, не раскрыв его признаки, что, по нашему мнению, является ошибочным, так как

возникает вопрос – что подразумевается под мелким коммерческим подкупом: передача предмета подкупа, его получение или все эти действия в совокупности? Не добавляет ясности в решении данного вопроса и грамматическое построение ч. 2 ст. 204² УК РФ, которая изложена следующим образом: «То же деяние». Тогда как ч. 2 ст. 291² УК РФ, являющаяся смежной по своей конструкции, устанавливает ответственность за «Те же деяния», а именно дачу взятки и ее получение. Анализ судебной практики показывает, что объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204² УК РФ, образуют действия как по незаконному получению лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации предмета коммерческого подкупа, так и действия лица, направленные на передачу предмета мелкого коммерческого подкупа. Но при подобном построении норм также отсутствует дифференциация ответственности лица, передающего предмет мелкого коммерческого подкупа и лица его получающего. Однако если проводить сравнительный анализ санкций ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ то, мы видим, что общественная опасность действий, направленных на получение предмета коммерческого подкупа, несколько выше действий по его передаче.

Также, при рассмотрении ст. ст. 204², 291² УК РФ необходимо обратить внимание на санкции анализируемых норм. Так, за совершение мелкого взяточничества может быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до одного года, а за совершение мелкого коммерческого подкупа лишение свободы как вид наказания вообще не предусмотрено. Нам видится, что установленные виды и размеры наказаний не соответствуют общественной опасности данных преступлений, и их карательный характер довольно незначителен. Также спорным моментом является невключение законодателем в санкции ст. ст. 204²

и 291² УК РФ такого вида наказания, как «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Подобным нормативным решением допускается возможность виновному лицу вновь занимать руководящие должности в государственном аппарате управления, а также в коммерческих организациях, даже после совершения таких специфических по содержанию объекта преступлений.

По нашему мнению, эффективным уголовно-правовым средством противодействия анализируемым преступлениям явилось бы закрепление в санкциях не только фиксированного размера штрафа, но и штрафа, выраженного в размере кратном сумме предмета взятки (коммерческого подкупа), так как подобные противоправные действия, безусловно, должны влечь за собой неблагоприятные экономические последствия для их субъектов. Стоит отметить, что санкции ст. ст. 204², 291² УК РФ не предусматривают возможность назначения штрафа наряду с лишением свободы, что также не соответствует характеру и степени общественной опасности рассматриваемых коррупционных преступлений.

Серьезным казусом, который был допущен законодателем, является установление в санкции ч. 2 ст. 291² УК РФ возможности назначения в качестве одного из наказаний исправительных работ на срок до трех лет вопреки положениям ч. 2 ст. 50 УК РФ, регламентирующей срок исправительных работ от двух месяцев до двух лет. Значительным событием в урегулировании большого количества вопросов, связанных с проблемами квалификации и толкования норм, предусматривающих ответственность за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, явилось внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4]:

1. Наконец разрешены многочисленные дискуссии ученых о том, образует ли состав преступления посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе при размере предмета взятки (коммерческого подкупа) менее 25 000 рублей. Необходимо отметить, что большинство ученых считало, что указанные действия являются преступными и их следует расценивать как соучастие в даче или получении взятки или коммерческого подкупа [5]. Лишь немногие говорили о том, что, установив подобную нормативную конструкцию, законодатель осознанно декриминализировал посредничество в коммерческом подкупе и (или) взяточничестве в незначительном размере, и что в таком случае привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 204¹ УК РФ (ст. 291¹ УК РФ) является необоснованным и незаконным действием [6]. Ставя точку в подобных научных спорах, Верховный Суд РФ разъяснил, что лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки либо предмета коммерческого подкупа на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Соответственно, посредничество в мелком взяточничестве (мелком коммерческом подкупе) также не может являться преступлением [4].

2. После вступления в законную силу анализируемых преступлений у правоприменителей также возникал обоснованный вопрос о том, как следует квалифицировать действия виновного лица за мелкий коммерческий подкуп (мелкое взяточничество) при наличии квалифицирующих признаков, которые предусмотрены в ст. ст. 204, 290, 291 УК РФ. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях пояснил, что ст. ст. 204², 291² УК РФ содержат специальные нормы по отношению к нормам ст. ст. 204, 290 и

291 УК РФ и не предусматривают такого условия их применения, как отсутствие квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 – 4, 6 – 8 ст. 204 УК РФ, ч. 2 – 6 ст. 290 УК РФ или ч. 2 – 5 ст. 291 УК РФ.

В связи с этим коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влекут ответственность по ч. 1 ст. 204² УК РФ либо по ч. 1 ст. 291² УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также наличия или отсутствия других квалифицирующих признаков коммерческого подкупа и взяточничества [4].

3. У некоторых ученых возникали сомнения по тому, кто может быть субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 204², 291² УК РФ [3]. По этому вопросу Верховный Суд Российской Федерации также дал однозначное пояснение, указав, что субъект мелкого взяточничества полностью совпадает с субъектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 290 и 291 УК РФ, а субъект мелкого коммерческого подкупа – с субъектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ.

Таким образом, проводя системный анализ последних разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам квалификации мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, мы можем наблюдать значительное смягчение и гуманизацию уголовно-правовых средств, направленных на пресечение так называемой «бытовой коррупции». Данное обстоятельство явно не соответствует принятым приоритетным направлениям государственной политики, которые заключаются в нетерпимости к любым коррупционным проявлениям и необходимости применения строгих репрессивных мер противодействия. Антикоррупционный

курс государственной власти должен реализовываться в согласованности законодательной и правоприменительной деятельности, а также в адекватизации назначаемых наказаний и иных средств уголовно-правового характера. Считаем, что описанная ситуация, связанная с регламентацией ответственности за ряд коррупционных преступлений, является показательным примером сложившейся в последнее время практики нагромождения УК РФ нормами, устанавлива-

ющими уголовную ответственность за фактически уже закрепленные преступления, в которых проводится разграничение только по одному из признаков состава. Вышеизложенное аргументирует нашу позицию о преждевременности установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество и обосновывает сложившее мнение многих ученых о необходимости исключения данных норм из УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».
2. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 24.07.2020).
3. Морозов В. И. К вопросу об уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество как форме противодействия коррупции : научный журнал / Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4. С.75–80.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». СПС «КонсультантПлюс».
5. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве : научный журнал / Законность. 2011. № 9. С. 12–18.
6. Никонов П. В. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ) : учебное пособие / П. В. Никонов, В. Н. Шиханов. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 179 с.

© Родыгин Р. А.

УДК 343.982.063(470)

А. Ю. САМОЙЛОВ, доцент
кафедры криминалистики Уфимского
юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Уфа)

A. U. SAMOYLOV, Assistant Professor
of the Chair of Criminology of Ufa Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Candidate of Law (Ufa)

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

FEATURES OF FIXATION OF THE PROGRESS AND RESULTS OF THE ACCIDENT SCENE INSPECTION

Аннотация. В статье рассматриваются критерии и положения, которые необходимо учитывать при составлении протокола осмотра места происшествия. Кроме того, определены отдельные положения об использовании фотографирования, аудио- и видеозаписи в ходе осмотра места происшествия. Также рассмотрены определенные критерии и положения, касающиеся общих требований составления протокола осмотра места происшествия. Приведен анализ теории уголовного процесса и судебно-следственной практики применения дополнительных способов фиксации при осмотре места происшествия.

Ключевые слова и словосочетания: предварительное расследование, осмотр места происшествия, фиксация следов, криминалистическая техника, технико-криминалистические средства и методы, протокол следственного действия.

Annotation. The article discusses the criteria and provisions that must be taken into account when drawing up the Protocol of the inspection of the scene of the accident. In addition, the article defines separate provisions on the use of photography, audio and video recording during the inspection of the scene of the accident. Certain criteria and provisions related to the General requirements for drawing up a Protocol for examining the scene of an accident are also considered. The article analyzes the theory of criminal procedure and the judicial and investigative practice of using additional methods of fixing when examining the scene of an accident.

Keywords and phrases: preliminary investigation, inspection of the scene of the accident, fixing traces, forensic equipment, technical and forensic tools and methods, protocol of the investigative action.

Как показывает практика, каждое действие сотрудников не обходится без какой либо фиксации, тем самым уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации определило положение о том, что каждое следственное действие должно быть зафиксировано. Одним из способов такой фиксации является составление протокола следственного действия (ст. 166 УПК РФ). Исхо-

дя из вышесказанного, каждый осмотр места происшествия – это отдельный протокол, так как законом запрещено производить несколько осмотров места происшествия с составлением всего лишь одного протокола, также это касается случаев, когда несколько осмотров места происшествия производятся по одному уголовному делу, но с разрывом во времени.

На практике в силу объективных и субъективных причин возникают случаи, когда в протокол осмотра необходимо внести поправки, уточнить определенные моменты, сделать уточнения. Данные действия не запрещены уголовно-процессуальным законодательством, но при этом, чтобы избежать фальсификации собранных доказательств, необходимо вновь произвести осмотр места происшествия, в котором следует указать недостающие элементы. [1, с. 301].

Правила составления протокола закреплены в УПК РФ, где определены способы по написанию протокола, такими выступают: написание протокола собственноручно или составление протокола с использованием различных технических средств (принтера и т. п.).

В теории уголовно-процессуального законодательства и криминалистики выработаны определенные критерии и положения, касающиеся протокола осмотра места происшествия. Одним из таких положений является то, что любой протокол следственного действия включает в себя три части: вводную, описательную и заключительную.

Что касается первой – вводной – части протокола, то, кроме всего прочего, делается запись, в которой указывается наименование применяемых технических средств в ходе осмотра места происшествия, условия и порядок их использования с указанием лица, которое будет использовать технические средства в ходе осмотра места происшествия. Также необходимо отметить, что все участники осмотра должны быть предупреждены о применении таких технических средств (ч. 5 ст. 166 УПК РФ) [2, с. 31]. При производстве осмотра места происшествия обязательно заполнение графы с указанием условий, в которых производится осмотр места происшествия, так как оценка условий позволит оценить возможности восприятия всеми участниками хода осмотра места происшествия.

Что касается описательной части протокола осмотра места происшествия, то здесь необходимо указать ее важность, так как именно в этой части протокола содержится описание всего хода осмотра места происшествия, записываются все действия участвующих лиц, а также все обнаруженные следы и предметы (ч. 4 ст. 166 УПК РФ). Особенностью осмотра места происшествия является тот факт, что следователь, как лицо производившее осмотр места происшествия, не может записывать какие либо выводы, основанные на его знаниях. В протоколе только констатируются все факты, выявленные в ходе осмотра места происшествия. Теория уголовного процесса и криминалистики выработала определенные требования, направленные на описание в протоколе осмотра места происшествия всех обнаруженных предметов и следов. Существует правило, по которому следователь описывает обнаруженный предмет так, как он его видит, все размеры делаются с помощью измерительных средств. При невозможности описать части обнаруженного предмета, следователю разрешено использовать общедоступные слова, но в большинстве случаев следователь обращается к специалисту. Следует отметить, что название предмета, которое дает следователь в ходе осмотра места происшествия, очень важно, так как данное название в большинстве случаев остается до конца уголовного дела и используется при других следственных действиях, при этом объекты, природа которых очевидна (стол, стул, бутылка, холодильник и т. п.), должны быть поименованы данными названиями.

Заключительная часть протокола осмотра места происшествия включает в себя:

- запись об ознакомлении с протоколом всех участников следственного действия;
- отметка о выраженных заявлениях участников осмотра места происше-

ствия, пожеланиях и недостатках, которые были выявлены ими, по их мнению, являются незаконными (ч. 4 ст. 166 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон закрепляет положение о том, что протокол осмотра места происшествия должен быть составлен в ходе его проведения либо сразу после его завершения. Одни авторы выражают свое мнение о том, что необходимо установить и закрепить в законе определенный срок для составления данного протокола. В тоже время установление данного срока является нецелесообразным, поскольку объем, фиксируемый в ходе соответствующего действия, может быть весьма различен. Когда мы говорим о сроках составления протокола осмотра места происшествия, нельзя забывать об общих требованиях разумных сроков изготовления. Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в осмотре места происшествия, при этом УПК РФ закрепил возможность данных лиц вносить замечания и дополнения, которые фиксируются в протоколе и заверяются подписями (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Протокол подписывается следователем и участниками следственного действия (ч. 7 ст. 166 УПК РФ). Все исправления производятся с ознакомлением участников осмотра места происшествия, которые в знак согласия ставят свою подпись.

Мы уже выяснили, что в протоколе осмотра места происшествия находит свое отражение весь процесс осмотра, а также закрепляются все результаты, но в следственной практике и теории уголовного процесса выработано требование, касающееся обнаруженных в ходе осмотра места происшествия вещественных доказательств. Оно заключается в том, что ни один предмет, обнаруженный в ходе осмотра места происшествия, не будет иметь заранее установленной доказательственной силы и каких-либо преимуществ, по сравнению с другими доказательствами, выявленными в ходе иных следственных действий.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в ч. 2 ст. 166 УПК РФ закрепляет положение об использовании фотографирования, аудио- и видеозаписи в ходе осмотра места происшествия, а в последующем еще и снимки, видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов. Также нужно отметить, что все электронные носители информации, скопированные с других электронных носителей информации, будут прилагаться к протоколу осмотра места происшествия в качестве приложения (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

Теория уголовного процесса и судебно-следственная практика в настоящее время однозначно расценивают указанные документы исключительно как приложения к протоколу, не имеющие самостоятельного доказательственного значения [3, с. 132]. Но все сведения, которые находят свое отражение в приложениях к протоколу осмотра места происшествия, будут иметь доказательственную силу только в том случае, если они будут зафиксированы непосредственно в протоколе осмотра места происшествия, в противном случае при несоблюдении указанного условия все данные потеряют значение для уголовного дела, и не окажут влияние на процесс доказывания.

Некоторые авторы, работающие в области уголовно-процессуального законодательства, утверждают, что сделанные в ходе осмотра места происшествия фотоснимки, схемы, планы являются составной частью протокола, и их доказательственное значение неотделимо от письменного описания. Указанные приложения позволяют проверить полноту и точность записей в протоколе путем сопоставления. Как мы указывали выше, все приложения к протоколу осмотра места происшествия помогут следователю наглядно вспомнить обстановку места преступного события. Техника, применяемая в ходе производства осмотра места происшествия, в отличие от описания

следователя, в силу объективных и субъективных причин наиболее полно и объективно фиксирует ту обстановку и те условия, в которых производится осмотр места происшествия. В итоге информация, закрепленная на технических носителях, должна иметь доказательственное значение, несмотря на то, что не имеет свое отражение в протоколе осмотра места происшествия, и этому есть примеры из практики.

Вместе с тем представляется недостаточно аргументированной иная крайняя точка зрения – полностью отказаться от бумажного фиксирования результатов следственных действий, отменить их протоколы как таковые и использовать только записи хода и результатов соответствующих действий, произведенные с помощью специальной аппаратуры [4, с. 16]. В таком случае нельзя забывать о том, что любое техническое средство на любом этапе осмотра места происшествия может выйти из строя и тем самым лишит следователя способов фиксации хода производимых им действий.

В итоге решением данной проблемы может стать изменение действующих на сегодняшний день правил фиксации хода осмотра места происшествия. Можно предложить взять за основу фиксации запись с помощью специальных технических устройств, но в то же время предусмотреть собственноручное написание следователем протокола осмотра места происшествия в случаях, когда применить специальную аппаратуру не представляется возможным. Таким образом, запись действий следователя в ходе осмотра места происшествия и протокол как бы меняются местами, с точки зрения их рационального использования для целей доказывания.

Предложенная идея решения данной проблемы коренным образом окажет влияние на ход и закрепление результатов осмотра места происшествия с точки зрения объективности, точности и экономии времени. Но также хотелось бы

отметить, что в рамках действующего законодательства устранить все недочеты и недостатки, связанные с составлением протокола осмотра места происшествия и других следственных действий, не представляется возможным, из-за большого количества ситуаций, в которых проводятся следственные действия.

Другой причиной, затрудняющей применение в ходе осмотра места происшествия технических средств, являются сложившиеся не один год назад требования и правила прикрепления к протоколу осмотра места происшествия и закрепления в качестве доказательств по уголовному делу информации, находящейся на электронных носителях. На сегодняшний день технические средства бытового характера имеются практически у каждого человека, что увеличивает возможности фиксации результатов следственных действий.

Но существует проблема, связанная с тем, что зафиксировать ход производства осмотра места происшествия невозможно без определенных технических навыков, и случаи, когда носитель с записью необходимо приобщить к делу, произвести монтаж данной записи, для следователя являются проблематичным вопросом, так как зачастую они не обладают специальными техническими познаниями.

Наконец, помимо записи, ход следственного действия отражается в сознании других его участников, для которых явное искажение соответствующих обстоятельств станет очевидным.

Современные цифровые диктофоны в целях рациональности и экономии памяти запрограммированы таким образом, что запись прекращается в случаях, когда наступает тишина, определенная настройками устройства, а затем при появлении звука, устройство начинает записывать звук. С точки зрения выработанных теорией уголовного процесса и криминалистики правил данные действия считаются монтажом, т. е. искажа-

ют действительность, тем самым возникает вопрос об их законности получения и возможности использования в процессе доказывания. Так как технологий по установлению технических вмешательств в запись очень мало, объективность ее получения исходит только из непрерывности записи и сути разговора.

Таким образом, вопрос, связанный с приобщением к протоколу осмотра места происшествия информации с технических устройств, до настоящего времени остается актуальным для ученых, исследующих область уголовного процесса, а также и для следственной практики. Приобщение данных записей с обязательным их указанием в протоколе никаким образом не влияет на усиление соблюдения принципов законности при расследовании уголовного дела. Данное требование

было выработано относительно давно, когда технические средства при производстве осмотра места происшествия применялись крайне редко. Проблематичным является вопрос о необходимости распечатывания созданных с помощью цифровой аппаратуры схем, таблиц фотоиллюстраций непосредственно на месте происшествия. Споры по данному вопросу не должны быть, так как место, где будут распечатываться различные схемы, никак не может повлиять на ход расследования по уголовному делу. Однако важно отметить, что распечатать в личном кабинете, к примеру, таблицу фотоиллюстраций следователю будет удобнее и быстрее, нежели искать на месте составления протокола осмотра места происшествия подобную техническую возможность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкая И. Г., Несветаев В. В. Некоторые проблемы, возникающие при осмотре места происшествия по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2017. № 3.1. С. 299–304.
2. Стельмах В. Ю. Современные проблемы фиксации хода и результатов производства следственных действий и возможные пути их решения // *Актуальные проблемы российского права* 2016. № 7. С.31.
3. Балакшин В. С. Виды доказательств // *Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко*. М.: Волтерс Клувер. 2011. С. 345.
4. Пастухов П. С. О необходимости замены в уголовном судопроизводстве письменного протокола электронным документом // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2015. № 3 (58). С. 22.

© Самойлов А. Ю.

Трибуна молодого ученого

УДК 343.432(470)

Г. Ш. АЮПОВА, старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Екатеринбург)

G. SH. AYUPOVA, Senior instructor of the Chair of Criminal Law of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Yekaterinburg)

С. Х. АХРОРКУЛОВ, слушатель факультета подготовки следователей Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

S. H. AHRORKULOV, Student of the Investigators Training Department of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)

НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

UNLAWFUL IMPRISONMENT: CERTAIN QUALIFICATION ISSUES

***Аннотация.** В статье на основе анализа теоретических положений уголовного права, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебной и следственной практики исследуются особенности объективных и субъективных признаков незаконного лишения свободы. В работе автор акцентирует внимание на отдельных спорных вопросах квалификации преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ, а также проблемах разграничения незаконного лишения свободы и похищения человека. С учетом относительно высокой частоты использования в уголовном законе признака «иные тяжкие последствия», а также неоднозначности подходов к его толкованию как в теории уголовного права, так и в судебной и следственной практике, указанный признак подвергнут отдельному исследованию применительно к ч. 3 ст. 127 УК РФ. Представляется, что освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должно распространяться и на ст. 127 УК РФ, в связи с чем формулируется предложение о внесении соответствующих изменений в уголовный закон.*

***Ключевые слова и словосочетания:** незаконное лишение свободы, удержание, законность, тяжкие последствия, похищение человека, преступление, квалификация, уголовный закон.*

***Annotation.** Based on the analysis of theoretical provisions of criminal law, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial and investigative practice, the article examines the features of objective and subjective signs of illegal imprisonment. The author focuses on certain controversial issues of qualifying a crime under Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the problems of distinguishing between illegal imprisonment and kidnapping.*

Taking into account the relatively high frequency of using the sign “other grave consequences” in the criminal law, as well as the ambiguity of approaches to its interpretation both in the theory of criminal law and in judicial and investigative practice, this feature is subjected to a separate study in relation to part 3 of Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation. It seems that the exemption from criminal liability in relation to active repentance should also apply to Article 127 of the Criminal Code of the Russian Federation, in connection with which a proposal to amend the criminal law is formulated.

Keywords and phrases: *illegal imprisonment, detention, legality, grave consequences, kidnapping, crime, qualification, criminal law.*

В условиях современного гуманистического государства первоочередное внимание уделяется защите личности, обеспечению ее естественных прав и свобод. Важность названных ценностей подтверждается их расположением в структуре Особенной части российского уголовного закона.

Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в целях защиты и охраны прав человека на свободу и личную неприкосновенность в главе 17 УК РФ закрепил нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против свободы, чести и достоинства личности. Анализ судебной и следственной практики указывает на отсутствие единообразного толкования отдельных признаков незаконного лишения свободы, что обуславливает необходимость соотношения теоретических положений уголовного права с практикой применения уголовного закона.

Уголовная ответственность за незаконное лишение свободы закреплена в ст. 127 УК РФ. Основным непосредственным объектом данного преступления следует признавать личную свободу человека.

Объективная сторона состава преступления включает в себя общественно опасное деяние – удержание, которое может быть выражено в форме как действия, так и бездействия. Удержание лица может осуществляться как тайным способом (когда место нахождения потерпевшего тщательно скрывается и никому не известно), так и открытым (когда

кто-либо осведомлен о месте незаконного лишения свободы).

Анализ диспозиции нормы, положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 [1], а также судебной и следственной практики позволяет сделать вывод о том, что для квалификации содеянного по ст. 127 УК РФ уголовно-правовое значение имеет установление таких признаков, как «незаконность» и «отсутствие связи с похищением лица».

Лицо не подлежит уголовной ответственности по ст. 127 УК РФ в случаях законного ограничения свободы, в том числе связанного с мерой государственного принуждения, а также при задержании лица, совершившего преступление, в состоянии крайней необходимости, при необходимой обороне, в случае исполнения приказа или распоряжения. Кроме того, исключается уголовная ответственность при ограничении свободы несовершеннолетнего ребенка родителем или иным законным представителем в целях защиты и обеспечения прав ребенка, например, в случаях установления запрета покидать пределы квартиры в определенное время суток (комендантский час, установленный в некоторых субъектах страны), посещать некоторые нежелательные мероприятия, при этом наличие цели защиты и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего лица является обязательным.

Так, например, приговором от 20 августа 2019 года М. признан виновным в совершении незаконного лишения свободы, не связанного с его похищением,

группой лиц по предварительному сговору, в отношении несовершеннолетнего (п. «а», «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ) при следующих обстоятельствах. А., недовольная поведением своего сына Б., в целях его наказания предложила М. закрыть Б. в чердачном помещении, на что М. дал согласие. Реализуя совместный преступный умысел, А. и М. потребовали от несовершеннолетнего Б. пройти вместе с ними в указанное помещение, где А. дала указание М. приискать веревку и связать Б., что М. и сделал, тем самым лишив потерпевшего возможности передвижения и смены положения на иное. После указанных действий А. и М., оставив связанного Б., покинули помещение чердака дома [2].

«Отсутствие связи с похищением лица» указывает на взаимоисключаемость рассматриваемых норм уголовного закона. По ст. 126 УК РФ без дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ следует квалифицировать действия лица, ранее удерживавшего человека в неволе, а затем переместившего его в другое место [1]. Так, в случае, если лицо, например, незаконно заперло потерпевшего в его же доме, лишив свободы передвижения, а затем вывезло в другое место, содеянное следует квалифицировать по ст. 126 УК РФ, как похищение человека, поскольку объективная сторона включает уже все три признака: захват, перемещение и удержание лица. При этом дополнительная квалификация по статье 127 УК РФ является излишней.

Диспозиция ч. 1 ст. 126 УК РФ охватывает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, под которым следует понимать, в частности, нанесение ударов, побоев, связывание веревкой, сковывание наручниками, иными подручными средствами, а также вербальное и невербальное выражение угрозы их совершения. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья лица, не требует дополнительной квалификации.

В случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, содеянное подлежит квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ. Вместе с тем п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ охватывает лишь причинение легкого вреда здоровью или вреда здоровью средней тяжести. Дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ требует причинение тяжкого вреда здоровью. В случае высказывания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью содеянное помимо ч. 1 ст. 127 УК РФ подлежит квалификации по ст. 119 УК РФ.

Под угрозой применения насилия понимается выраженное вонне намерение лица совершить определенные действия. При этом такое намерение должно восприниматься потерпевшим как реальное. Следует отметить, что насилие может осуществляться как в отношении лица, чья свобода ограничивается, так и в отношении любого другого лица, в том числе близких родственников потерпевшего с целью устранения препятствий либо преодоления сопротивления со стороны незаконно лишенного свободы лица.

Место удержания может быть любым: квартира, парк, подвал, если лицо при этом лишено реальной возможности самостоятельно покинуть его. Кроме того, под незаконным лишением свободы понимается не только полная изоляция лица, но и его нахождение в определенном месте, покинуть которое оно не может, в частности, под угрозой применения насилия.

По составу преступление является формальным. Преступление является оконченным с момента выполнения его объективной стороны преступления: с момента незаконного фактического лишения потерпевшего возможности самостоятельно определять свое местонахождение и осознания указанного факта потерпевшим. На квалификацию преступления не влияет длительность незаконного удержания в определенном месте лица, лишенного свободы. В судебной и

следственной практике содержатся примеры, когда удержание производилось от нескольких минут до нескольких месяцев и более.

Субъективная сторона состава незаконного ограничения свободы характеризуется виной в форме прямого умысла. Факультативные признаки (мотив, цель, эмоции) на квалификацию не влияют.

В случае, если умыслом лица охватывается совершение другого преступления, а лишение свободы является способом облегчения его совершения, содеянное следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление, на совершение которого был направлен умысел лица, и дополнительной квалификации по ст. 127 УК РФ не требует. Так, например, Ш., продолжая преступные действия, направленные на открытое хищение чужого имущества, с целью предотвращения какого-либо сопротивления со стороны М., связал последнего скотчем и оставил в помещении комнаты для персонала. Содеянное было квалифицировано по п. «а», «в», «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ [3].

Субъект преступления общий. В случаях совершения указанного преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения (специальным субъектом) содеянное подлежит квалификации по специальной норме (ст. ст. 285, 286, 301, 305 УК РФ).

Научно-исследовательский интерес представляет анализ отдельных квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 127 УК РФ. Представляется, что в случаях, когда в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности наступает смерть, ч. 3 ст. 127 УК РФ исключается, содеянное подлежит квалификации по совокупности ч. 1 ст. 127 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 [1] не нашло

отражения содержание признака «иные тяжкие последствия». Под иными тяжкими последствиями применительно к п. «в» ч. 3 ст. 127 УК РФ следует понимать самоубийство потерпевшего, а также психическое расстройство, наступившее как результат совершения преступления в отношении лица, развитие заболевания (наркомании, заражение ВИЧ-инфекцией и т. п.).

Вместе с тем, учитывая, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в ряде постановлений [см., например, 4] последовательно указывает, что к «иным тяжким последствиям» следует относить, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности хотя бы одному человеку либо причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, представляется допустимым применение указанного положения для целей ст. 127 УК РФ.

Указанная позиция нашла отражение в судебной практике. Так, согласно приговору Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 16 июля 2019 года Д., находясь в изолированных условиях в квартире с целью освободиться от незаконного лишения свободы, решила самостоятельно покинуть данную квартиру через окно. Д., открыв окно, находящееся в спальном комнате, без верхней теплой одежды, невзирая на отрицательную температуру окружающей среды, прыгнула на землю. В результате падения здоровью Д. причинен тяжкий вред. Виновное лицо не предвидело возможность наступления указанных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия, учитывая то, что с его ведома Д. оставалась в квартире против своей воли, и попытка бегства из удерживаемой квартиры в отсутствие удерживающих лиц являлась возможным вариантом поведения Д. Таким образом, действия виновных лиц подлежат квалификации по ч. 3 ст. 127 УК РФ [5].

Вопрос о субъективной стороне состава преступления, конструкцией которого предусмотрен признак «иные тяжкие последствия» является дискуссионным. Представляется, что в случаях, когда в диспозиции нормы отсутствует указание на форму и вид вины возможны как умышленная, так и неосторожная формы.

Вопросы разграничения незаконного лишения свободы и похищения человека закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 58, положения которого определяют основные критерии их разграничения.

Обратимся более подробно к каждому из критериев разграничения.

Во-первых, указанные преступления различаются по объективной стороне состава. Общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 126 УК РФ, содержит три обязательных действия: захват, перемещение, удержание. Преступление считается оконченным с момента захвата лица и начала его перемещения хотя бы на непродолжительное время в другое место, при этом на квалификацию преступления не влияет дальность перемещения потерпевшего и длительность его удержания. Незаконные захват, перемещение и последующее удержание могут быть осуществлены путем обмана или введения в заблуждение лица. В таком случае преступление считается оконченным с момента захвата и принудительного перемещения лица или же с момента захвата и удержания лица, если оно более не перемещалось [1]. Действия лица, удерживающего потерпевшего, ранее похищенного другими лицами, с которыми он не состоит в сговоре, образуют состав незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ). Кроме того, указанные преступления

следует разграничивать также по месту осуществления удержания. Так, при разграничении похищения человека от незаконного лишения свободы следует обращать внимание на обстоятельства, при которых осуществлено перемещение потерпевшего. Было ли лицо перемещено в другое место путем обмана, введения в заблуждение, путем угроз или применения насилия, или оно оставалось и удерживалось в месте своего изначального нахождения. В первом случае содеянное следует квалифицировать как похищение человека, а во втором – как незаконное лишение лица свободы. Таким образом, если виновное лицо удерживает человека без намерения переместить его в другое место, то содеянное подлежит квалификации по ст. 127 УК РФ. По ст. 127 УК РФ следует квалифицировать также удержание потерпевшего в неволе, если этому не предшествовало перемещение его в другое место.

Субъект преступлений, предусмотренных ст. 127 и 126 УК РФ, – общий. Вместе с тем согласно ст. 20 УК РФ в отличие от незаконного лишения свободы возрастом уголовной ответственности за похищение человека является четырнадцатилетний возраст.

Представляется спорной позиция законодателя, который не закрепил поощрительную норму в виде освобождения от уголовной ответственности виновного лица, несмотря на наличие соответствующего примечания к ст. 126 УК РФ. Учитывая, что степень общественной опасности незаконного лишения свободы относительно ниже степени общественной опасности похищения, отсутствие такой поощрительной нормы в ст. 127 УК РФ представляется не вполне оправданным, в связи с чем формулируется предложение о внесении соответствующих изменений в уголовный закон.

ЛИТЕРАТУРА

1. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 года № 58 // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.
2. Приговор Каменского городского суда Алтайского края от 20 августа 2019 года. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.07.2020).
3. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 27 декабря 2019 года– URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.07.2020).
4. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 года № 14 (ред. от 18.10.2012) // Российская газета. 2002. № 108. 19 июня.
5. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 16 июля 2019 года. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.07.2020).

© Аюпова Г. Ш.

© Ахроркулов С. Х.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ПРАВО: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»

Редакционная коллегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие наиболее важные проблемы права и государства в современном и историко-правовом ракурсе, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности Российской Федерации и зарубежных стран, тенденции развития и совершенствования высшего юридического образования в образовательных организациях МВД России, особенности интеграции юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства.

Группы научных специальностей, по которым могут публиковаться материалы:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.09 – Уголовный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru (с пометкой: «Право: ретроспектива и перспектива»).

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатаются прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научном журнале «Право: ретроспектива и перспектива» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций. Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПРАВО:
РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА»**